

Морская летопись

СЕРЕБРЯНЫЙ АДМИРАЛ

Владимир Шигин

Морская летопись

Владимир Шигин

Серебряный адмирал

«ВЕЧЕ»

2010

Шигин В. В.

Серебряный адмирал / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Морская летопись)

ISBN 978-5-4444-7992-6

Новая книга известного писателя-мариниста Владимира Шигина «Серебряный адмирал» посвящена эпохе великого морского противостояния Англии и Голландии в XVII веке. Грандиозные сражения, погони и abordажы, дальние плавания и тайны европейской политики, великие флотоводцы и бесстрашные корсары. В центре повествования личность одного из самых талантливых флотоводцев в истории человечества – Михаила де Рюйтера, кумира Петра Великого, оказавшего большое влияние на создание им российского флота. При написании книги автор пользовался уникальными документами и материалами XVIII–XIX веков.

ISBN 978-5-4444-7992-6

© Шигин В. В., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Часть первая. От юнги до адмирала	6
Глава первая. Сын трактирщика	6
Глава вторая. Крещение огнем	12
Глава третья. В капитанах	16
Глава четвертая. Во главе эскадры	19
Часть вторая. Война с «железными»	22
Глава первая. Страсти по навигационному акту	22
Глава вторая. Битва при Плимуте	25
Глава третья. Бой при Ньюпорте	30
Глава четвертая. Дуврское сражение	34
Глава пятая. Три дня Портленда	36
Глава шестая. Ньюпортская дуэль	42
Глава седьмая. Северный прорыв	47
Часть третья. От Балтики до Африки	52
Глава первая. Защитник торговли	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Шигин

Серебряный адмирал

© Шигин В. В., 2010

© ООО «Издательство «Вече», 2010

* * *

И сегодня имя этого человека мало кто знает из наших соотечественников. Это в высшей степени несправедливо. Великий флотоводец и великий гражданин своей страны, он был и остался для всего мира не только образцом непревзойденного морского воина, но и личностью, наделенной самыми высокими человеческими качествами. За талант и неизменную удачу голландцы уважительно именовали его Серебряным адмиралом, а матросы с любовью звали отцом.

Именно этому человеку принадлежит честь первого применения знаменитых кильватерных колонн, тех, что и до настоящего времени являются основой всех тактических построений флотов мира. Именно его ученики стали впоследствии учителями первых российских моряков, а Петр Великий не только почитал героя нашего повествования первым среди моряков всех наций, но, изучая его подвиги, старался приумножить его деяния.

А потому, говоря о Голландии века семнадцатого, мы будем помнить, что без нее могло не быть России века восемнадцатого, а без громких побед великого голландца, возможно, не состоялись бы Гангут и Эзель, Гренгамн и Чесма...

Часть первая. От юнги до адмирала

Глава первая. Сын трактирщика

Для начала нам предстоит перенестись на четыреста лет назад, в страну каналов и купцов, тюльпанов и мореплавателей – в Голландию. На заре XVII века Голландия пребывала в самом зените своего великолепия. Весь мир жаждал ее товаров, и весь мир свозил сюда свои богатства. Тогда без тени сарказма говорили: «Если Европа – это драгоценное кольцо мироздания, то Антверпен – крупнейший из бриллиантов в нем!»

Голландцы заполнили мировой рынок добротным сукном и первоклассной шерстью, крепким пивом и источающими слезу сырами. Ловкие и предприимчивые, они за несколько лет сколачивали себе умопомрачительные капиталы. Преуспевающие буржуа и торговцы, банкиры и ростовщики уже всю нанимали к себе в услужение вчерашних хозяев жизни – дворян. Голландские женщины, избалованные деньгами и заморскими дарами, не отличались излишней нравственностью, а каждый второй мужчина был моряком. Нищих и голодных в Голландии в ту пору не существовало. Может, именно поэтому голландские живописцы более всего любили изображать в своих натюрмортах груды сочной и благоухающей пищи, от одного взгляда на которую даже только что оторвавшийся от стола обыватель глотал слюну.

Голландия процветала, но чем больше она процветала, тем больше ее ненавидели. Автор «Робинзона Крузо» английский писатель и по совместительству разведчик Даниель Дефо не без зависти называл голландцев «брокерами и маклерами Европы»: «Они покупают, чтобы снова продать, берут, чтобы отдать, и большая часть их обширной коммерции заключалась в том, чтобы доставить товары со всех частей света, а затем снова обеспечить ими весь мир».

Что поделать, богатый и удачливый сосед всегда вызывает жгучую зависть. Но голландцев это, казалось, нисколько не смущало, их гигантский торговый флот бороздил воды всех океанов, а амстердамская биржа неумоимо и методично переваривала все новые и новые миллионы гульденов... Такой была родина нашего героя к моменту его появления на свет.

Как гласят старинные хроники, он родился в восемь часов утра 24 марта 1607 года в небольшом голландском приморском городке Берген-оп-Цоом в семье не слишком зажиточного продавца пива и был четвертым из его детей. Звали торговца пивом Адрианом. В свое время он немало поплавал матросом на торговых судах, сумел скопить сотню-другую гульденов и, осев на берегу, занялся пивом. Дела шли не слишком хорошо, и отец семейства, чтобы прокормить большую семью, не гнушался никакой работой. Очередного своего сына он решил именовать Михаилом, в честь весьма почитаемого им святого и в память своего деда со стороны отца. В семье же новорожденный был прозван попросту Рюйтером. Так звали когда-то деда с материнской стороны. Под именами двух своих дедов сын продавца пива и войдет в мировую историю.

Дед Михаила де Рюйтера был крестьянином. Когда испанские солдаты спалили его двор, в пожаре едва не сгорел малыш Адриан, будущий отец Михаила. Лишь в последний момент мать выхватила ребенка из люльки. В 1561 году дед пошел воевать за свободу. Хотел было стать солдатом и Адриан, однако в 1609 году, когда Михаилу только-только исполнилось два года, с Испанией было заключено перемирие. Адриан де Рюйтер перебрался во Флессинген, где нашел работу возчика пива и едва сводил концы с концами.

Детство мальчишки прошло среди чанов с варящимся пивом, а потому запах бродящего солода стал для него самым родным. Как и все голландские дети, зимой сын Адриана гонял на коньках по заледенелым прудам, а летом там же участвовал в бесконечных шлюпочных гонках. Не по годам здоровый и сильный, помогая отцу, мальчишка таскал на себе тяжеленные пивные

бочки. Смелость, доходящая порой до безрассудства, обеспечивала юному Рюйтеру не только ежедневные драки со сверстниками, но и ежедневную порку дома.

Однажды, поспорив с друзьями, он взобрался по строительным лесам на городскую колокольню. Однако, пока он лез, рабочие убрали леса и ушли. Внезапно для себя Рюйтер оказался на покатой и скользкой крыше без всякой надежды на спасение. Высота была большая, и счет его жизни шел на минуты. Бывшие внизу прохожие, увидев мальчишку на крыше колокольни, оцепенели. Однако, не растерявшись, Михаил разбил каблуком черепицу и сумел пробраться сквозь крышу и чердак. Наградой за свершенный подвиг стала очередная порка.

Едва Рюйтеру минуло десять, отец созвал семейный совет.

– Хватит попусту есть родительский хлеб! – сказал он сыну. – Пора становиться самостоятельным!

Мать лишь горестно всплакнула, но промолчала. Слово главы семьи было для всех законом, к тому же дети в ту пору вообще рано выходили в самостоятельную жизнь.

– Для начала пойдешь на канатный завод братьев Лампсонов подмастерьем прядильщика! А там будет видно, на что ты способен! – объявил сыну свое решение отец.

– Я не против! – пожал плечами мальчишка. – Прядильщиком, так прядильщиком!

Работа в канатном цеху была не из легких, однако Рюйтер быстро освоил премудрости ремесла, крутил без усталости канатные колеса и вскоре уже приносил в конце дня домой по шесть су, сумму, по тем временам достаточно сносную. Однако вспыльчивый и прямолинейный характер мальчишки и здесь был причиной столь частых драк, что канатный мастер Петерс в конце концов отказал ему в месте.

– Мне надоело выслушивать бесконечные жалобы и видеть расквашенные носы! – заявил он драчливому подмастерью и тотчас выгнал его прочь.

Михаил встал перед нелегким выбором – куда податься. Возвращаться домой он не хотел. Дела у отца шли в это время совсем неважно, и лишний рот был ни к чему. Впрочем, Рюйтер раздумывал недолго.

В ту пору голландский торговый флот бороздил моря всего света, а потому нужда в матросах была большой. И пусть многие из них ежегодно гибли в штормах и умирали от всевозможных болезней, желающие идти в океан не переводились.

Голландский биограф де Рюйтера А. ван дер Мор пишет: «Четвертый из 11 детей, Михель, был мужественным, предприимчивым и честолюбивым. Позднее он говорил, что в юности «не желал ничего, кроме моря». В 1618 году он поддался этому зову, впервые ступив на палубу корабля в качестве юнги в возрасте 11 лет. Так, более чем скромно, началась карьера, в ходе которой, если процитировать великолепную биографию де Рюйтера, написанную Ревендром Герардом Брандтом спустя всего 10 лет после смерти адмирала, «юнге было суждено подняться по ступеням лестницы к самым вершинам морской службы, испытать все опасности от моря и врагов».

В один из дней жители флегматичного Флиссингена стали свидетелями достаточно редкой для этих мест картины: по городской набережной, перепрыгивая через бочки, ящики и груды сыров, изо всех сил мчался полуодетый мальчишка с башмаками в руках. Вот он уже у уреза воды. Жадно хватая ртом воздух, он несколько мгновений смотрит на выходящий из порта торговый галиот. На судне уже поставлены паруса и обрасоплены реи, слышно как натужно скрипит кабестан: это матросы, торопясь, выхаживают якорь. Недолго думая, мальчишка прыгает в первую попавшуюся шлюпку, отвязывает фалинь, вставляет в уключины весла. Сзади кто-то что-то громко кричит. Мальчишка оборачивается. Потрясая кулаками, к нему бежит здоровенный негр. Шлюпка не успевает отойти, как негр уже в ней и хватается мальчишку за ухо.

– Зачем ты хотел украсть мою шлюпку? – продолжал он кричать в ярости, тут же начав крутить толстыми пальцами ухо неудачливому угонщику. – Я навсегда отучу тебя воровать чужие лодки!

Отвесив нескольких хороших подзатыльников, негр успокоился.

– Ведь ты бы мог утонуть, как кошка, глупый несмышлениш! – закончил он свою воспитательную беседу, сопроводив тираду еще одной оплеухой.

Почувствовав, что железная хватка несколько ослабла, мальчишка вырвался из рук владельца шлюпки и, важно сев на банку, скрестил на груди руки, окинув негра презрительным взглядом:

– Кто ты таков, чтобы указывать мне?

От такой неслыханной наглости негр даже остоленел:

– Кто я? Я матрос вон с того судна, что снимается сейчас с якоря. Там меня ждут, а потому беги отсюда, благословляя судьбу, пока я еще раз не огрел тебя чем-нибудь!

Но мальчишка был тоже не лыком шит.

– Если ты матрос с того судна, то я юнга с него! – пожал плечами маленький нахал с удивительным хладнокровием.

Негр насторожился.

– С каких это пор наш капитан имеет честь иметь такого юнгу? – спросил он затем с явным недоверием.

– С тех самых, с каких ты сам имеешь честь быть там матросом! – тут же получил он достойный ответ.

Теперь негр несколько успокоился.

– Я поступил на «Святой Иоанн» третьего дня! – сказал он уже вполне доброжелательно.

– А я вчера! – невозмутимо ответил ему маленький собеседник.

– Тогда поторопимся, пока нам обоим не попало за опоздание!

Негр взялся за весла, и шлюпка быстро пошла к судну. Когда до галиота оставалось уже совсем немного, мальчишка внезапно разрыдался и, жалобно глядя на своего чернокожего спутника, торопливо заговорил, глотая слова:

– Хорошо, что вы меня взяли, ведь оставить меня на берегу было бы большим грехом. Вы очень добры, и я буду всегда вам во всем помогать, если вы меня возьмете с собой!

Только теперь усердно работающий веслами матрос понял, как ловко он был обманут маленьким пройдохой.

– Негодяй! Ты надо мной смеешься! Ну-ка говори, кто ты и откуда! А иначе я тебя прихлопну, как клопа!

Негр схватил румпель и занес его над головой мальчишки. Но тот нисколько не испугался, а, вытерев слезы, показал вконец разгневанному матросу на галиот:

– Видишь, на нем уже висит флаг начать движение! А теперь глянь на нашу шлюпку! Пока ты будешь меня лупить, ее отнесет далеко в сторону. В результате чего ты просто-напросто не успеешь к себе на судно!

Негр наморщил лоб. Он стоял перед сложной дилеммой. Отвезти мальчишку на берег он уже явно не успевал.

– Ладно! – сказал он, подумав. – Я отвезу тебя на судно, и пусть там уже капитан сам решает, что с тобой делать дальше, а я умываю руки!

– Где это ты выискал нового пассажира? – кричали, свесившись вниз, матросы.

Капитан, выслушав негра, тут же обругал его последними словами, а затем спросил:

– Где этот маленький негодяй? Тащите его ко мне!

Однако мальчишки нигде не было. Наконец его обнаружили на грот-марсе, куда он быстро и ловко сумел залезть. Довольные неожиданным развлечением, матросы уже весело подбадривали смелого сорванца.

– Боцман, стащи его оттуда! – велел капитан.

Но не тут-то было. Едва боцман поставил ногу на первую выбленку, чтобы полезть на марс и схватить непокорного, как тот, догадавшись, в чем дело, быстро начал карабкаться выше и вскоре очутился на ноке брам-реи. Матросы были буквально восхищены смелостью мальчишки. Глядя на всю картину, подобрел и капитан.

– Из этого малого выйдет славный юнга! – сказал он уже вполне миролюбиво.

Отдуваясь, спустился вниз и боцман.

– Я узнал мальчишку. Это сын пивного торговца Адриана. Его не пускали на морскую службу, а потому, видимо, он сбежал к нам из дома. Кто хочет поймать его, пусть покажет нам свою ловкость!

– Пожалуй, попробую я! – отозвался какой-то долговязый матрос.

Поплевав на руки, он ловко стал взбираться вверх по вантам. Мальчишка, видя, что теперь его вполне смогут схватить, обхватил руками нок-реи, спустил ноги и, повиснув над водой, кричал что было силы:

– Если вы меня не оставите, я брошусь в море! Лучше утонуть, чем жить на берегу!

Столь серьезный аргумент произвел должное впечатление на стоявших на палубе матросов. Тем временем галиот уже огибал мыс со сторожевым постом. Капитан с боцманом спустились в каюту, и скоро боцман вышел оттуда с запиской. Все с интересом ждали дальнейшего развития событий.

– Обстенить паруса и шлюпку на воду! – раздалась команда.

На шлюпке к сторожевому посту боцман отправился лично. Он запиской известил родителей, что капитан решил взять их настырного сына с собой. Все свидетели этой сцены были в полном восторге, а особенно главный ее виновник. Однако слезать с мачты мальчишка все же не торопился. Он очутился на палубе не раньше, чем шлюпка вернулась обратно, была поднята, а галиот отошел от берега на более чем приличное расстояние от него. Команда обступила героя дня, смеясь и подбадривая.

Произошло это достопамятное для истории событие 26 декабря 1618 года.

Первый же рейс в Северное море убедил маленького Рюйтера в правильном выборе пути. Морское дело, несмотря на качку и тяжкий труд, лишения и опасность, пришлось ему по душе. Разумеется, что первое время было непросто. На судах с юнгами не нянчились, и скидок на малолетство никто не делал. Учили кто окриком, а кто и зуботычиной. Однако учили крепко и быстро.

Наверно, самым близким человеком для малолетнего юнги стал в это время на судне его невольный перевозчик – негр Жан Компани (по другим источникам – его звали Кан-Гуэ). Некогда увезенный работоторговцами с родины, он затем принял христианство и, сумев каким-то образом освободиться, плавал теперь на судне стюардом капитана. Сердобольный Жан, жалея мальчугана, всегда старался приберечь для него лишний кусок, приободрить и приласкать. В ответ мальчишка платил ему своей преданностью. Два одиноких человека стали большими друзьями. И теперь каждый из них не мог пробыть без другого и нескольких часов.

Иногда и Рюйтеру приходилось утешать своего черного друга, когда тот попадался под тяжелую руку капитана. Доверчивый и наивный, Компани порой становился жертвой довольно жестоких матросских шуток. То кто-то, уловив момент, бросал в офицерский котел с чаем старый сапог, то подсовывал обсыпанные сахаром смоляные шарики в тесто, предназначенное для капитанских оладий. За все эти прегрешения приходилось держать ответ, конечно же, стюарду.

Первый рейс маленького Рюйтера был к африканскому острову Горею, что у берегов жаркой Сенегамбии.

В один из дней, во время полного штиля, когда матросы, мучимые бездельем, слонялись без всякого дела, старый рулевой объявил, что готов предсказать каждому его судьбу. Первому, известному пьянице, он сразу же заметил, что тот еще выпьет больше бочек рома и пива,

чем когда-либо набивал свои карманы звонкими шиллингами. Второму было сказано более туманно:

– В конце года ты спустишься с нок-реи в самый глубокий интертрюм!

Когда же тот выразил недовольство столь заумными метафорами, старик рулевой его мрачно успокоил:

– Не торопись, придет твое время, узнаешь!

Сидевшие тут же Компани с Михаилом тоже изнывали от нетерпения узнать свое будущее. Наконец, корабельный вещун подозвал к себе негра. Поглядев на него, сказал:

– Ты не так прост, как кажешься. Сейчас ты пляшешь под чужую дудку, но минует лет двадцать, и уже под твою дудку станут плясать другие. На голове же твоей будет уже не просмоленная шляпа, а нечто иное – сверкающее, может быть, даже корона!

Последняя фраза вызвала дружный хохот столпившихся вокруг матросов. Смеялся до слез даже стоявший несколько поодаль капитан. Затем он вытер платком глаза:

– А что ждет нашего бравого юнгу?

Подозвав к себе Михаила, рулевой долго смотрел в его глаза, затем столь же внимательно и долго разглядывал ладони и лоб, наконец, заставил его даже высунуть и показать язык. Помолчав немного, как бы раздумывая, рулевой обернулся к стоявшим рядом матросам:

– Дайте свайку!

Взяв ее в руки, он резко подкинул заточку в воздух, и та с силой вонзилась в палубную доску.

– Это добрый знак!

Затем старик посплюнул палец и долго определял им направление почти отсутствующего ветра.

– Зюйд-зюйд-вест! – сказал он наконец – Это тоже очень хорошо! Теперь дайте мне монету!

Ему сразу протянули несколько штук. Выбрав одну из них, рулевой несколько раз бросал монету на палубу, и всякий раз она падала кверху гербом.

После этого старик положил свою жилистую руку на плечо Михаила и со значением произнес:

– Этот малый обязательно станет величайшим человеком Голландии и первым среди ее моряков!

– Что же будет делать он на морях? – спросил явно заинтересованный таким предсказанием капитан.

– Он будет сеять ужас среди врагов Отечества! Кроме этого ему будут кланяться в ноги все короли мира!

– Что ж, – удовлетворенно кивнул головой капитан. – За такое предназначение не грех выпить по лишней чарке!

Обрадованные таким поворотом дела матросы тут же подхватили на руки Михаила и начали его качать, выкрикивая:

– Да здравствует наш первый морской герой! Да здравствует маленький спаситель Нидерландов!

Этот небольшой, но весьма многозначительный эпизод из жизни Рюйтера – вовсе не досужая выдумка автора. Он был в свое время занесен в скрижали истории!

...Вскоре старание и прилежание юнги были замечены и его, несмотря на явное малолетство, перевели в матросы с постоянным жалованьем. Отныне Михаил стал настоящим моряком.

Несколько лет Рюйтер непрерывно плавает на судах все тех же братьев Лампсонов, изредка навещая родителей, братьев и сестер, одаривая их при этом своими скромными подарками. Однажды отец, подвыпив, поинтересовался:

– Ты уже показал себя как настоящий мужчина! Как бывший моряк я тебя понимаю, но поверь мне, что матросская служба не даст тебе в жизни ничего, кроме лихорадки и ревматизма. Не лучше ли теперь, пока не поздно, вернуться на твердую землю и заняться каким-нибудь более спокойным делом, тем более, что сейчас мои дела пошли лучше и мне нужен помощник в трактире?

В ответ Рюйтер лишь покачал головой:

– Для меня уже поздно что-либо менять! Я человек палубы, и большего мне не надо!

– Что ж, – вздохнул отец. – Помогай тебе Бог!

Служба на купеческих судах Рюйтеру и в самом деле нравилась. Жажда приключений и путешествий просто не могла оставить его равнодушным. Казалось, все в его жизни было уже предопределено. Но судьба уже готовила юному моряку первое серьезное испытание.

Глава вторая. Крещение огнем

В 1622 году Испания начала новую агрессию против Генеральных штатов. Войска генерала Спинолы подошли к стенам Берген-оп-Цоома. Со всей Голландии морем в осажденный город перебрасывались подкрепления и военные припасы. Естественно, что Рюйтер тоже не замедлил при случае попасть в родной Берген. Нужда в солдатах была большая, и пятнадцатилетнего матроса только спросили:

- В боях бывал?
- Бывал! – не моргнув глазом, браво солгал Рюйтер.
- Из пушки стрелял?
- Еще как!
- Будешь пушкарем!

В продолжение нескольких последующих недель, пока Спинола не снял осады и не убрался восвояси, Рюйтер все время был при деле на городских кронверках. Под неприятельскими ядрами он проявил мужество и хладнокровие, а при стрельбе – завидную сообразительность и отличный глазомер. Городской цейхмейстер, которому приглянулся шустрый мальчишка, прельщал Рюйтера службой пушечной:

– Иди ко мне, всегда при гульденах будешь, да и дома каждый день, это тебе не по морям шляться!

В ответ мальчишка кланялся – учтиво, но с достоинством:

– Благодарю, вас, герр цейхмейстер, но мне моря все же как-то привычней!

Несмотря на все посулы, особого желания покинуть торговый флот у Рюйтера тогда так и не появилось. Едва отгремели выстрелы, он тотчас завербовался на первый попавшийся «пузатый купец» и ушел в море. Минул год, и недавний юнга стал судовым боцманом, заняв должность, к которой подавляющее большинство матросов шли долгие и долгие годы.

Тогда же Рюйтер распрощался со своим старым другом и бывшим покровителем негром Жаном Компани. На прощанье они крепко обнялись.

– Как знать, может, когда и свидимся еще! Ведь мир не так уж и велик! – в глазах молодого боцмана стояли слезы.

– О, Михаил! Как я хотел бы тебя еще увидеть, прежде чем умру! Это моя самая большая мечта, и я всегда буду помнить о тебе! – плакал бывший стюард.

Реальная история зачастую дает нам сюжеты, какие не в состоянии придумать и самый изощренный романист. Впереди наших друзей ждет еще одна встреча, но какая!

Дела торговые в ту пору были неотделимы от дел пиратских. В океане друзей не было ни у кого, и каждый в любой момент был готов броситься в погоню за показавшимся на горизонте парусом, чтобы попытать счастья в схватке за вожаемую добычу. Не избежал подобной участи и наш герой. Однажды судно Рюйтера было внезапно атаковано испанским кораблем. Молодой боцман, очертя голову, первым бросился на abordаж и был тут же тяжело ранен в голову эспантоном. Тот бой не был удачным для голландцев – и судно, и экипаж были пленены. Истекающего кровью Рюйтера победители хладнокровно оставили валяться на палубе, а на следующий день были несказанно удивлены, обнаружив его еще живым. В первом же порту захваченные грузы были проданы, плененная команда отправлена на галеры, а полуживого Рюйтера просто выбросили на пристань.

Одному Богу известно, как выжил тогда молодой моряк. Может, кто-то из сердобольных мамаш сжалился над израненным мальчишкой и выходил его, а может, молодой организм сам превозмог все немочи. История об этом умалчивает. Как бы то ни было, Рюйтер остался жив и, выпрашивая подавания, стал потихоньку пробираться на родину. Что только не пришлось испытать ему в пути! Рюйтера травили собаками и забрасывали камнями, он спал под забо-

рами и питался отбросами, но несмотря ни на что, упорно шел в Голландию. Спустя несколько месяцев Рюйтер уже дома. Немного придя в себя от пережитого в родительском доме, он вновь заторопился в порт, чтобы записаться на торговое судно.

– Я рад, что приобрел в твоём лице неплохого боцмана! – похлопал Рюйтера по приходе на судно знакомый шкипер.

Тот поставил на палубу свой деревянный рундук:

– Я буду стараться оправдать ваше доверие, но если уж вы столь добры ко мне, то позвольте мне просить вас об одолжении!

– Слушаю? – удивился шкипер.

– Я много спрашивал, но никак не могу понять, почему посох Якова помогает вычислить только широту нашего места, но не долготу?

– Ты слишком много хочешь знать сразу, а это не так-то просто!

– Тогда я хотел бы, чтобы в свободное от службы время вы обучили меня искусству мореплавания, измерению высот светил и чтению карт! Я же буду в свободное от вахт время во всем помогать вам.

– Что ж, – подумав, кивнул штурман. – Помощник в моем деле на борту, пожалуй, нужен!

Вскоре, освоив основы штурманского ремесла, Рюйтер уже самостоятельно правил судном по солнцу и звездам. Вооружившись градусником или астролябией, он каждую вахту тщательно мерил угол на Полярную звезду, затем вычитал от девяноста градусов замеренный угол и получал, таким образом, искомую широту. Об особой точности тогда речь не шла, все делалось приблизительно, а потому если в морях, как и раньше, плавали, прежде всего, по береговым ориентирам, то в океанах корабли ходили почти исключительно прямыми углами: вначале прямо по широте, а затем так же прямо на юг или север, в зависимости от необходимости.

Много мороки было и с морскими картами. Хотя голландские зеекарты с разноцветными 16-румбовыми компасными лучами и весьма живописными розами ветров считались в то время самыми точными и совершенными в мире, все обозначения на них были нанесены весьма и весьма приблизительно. В силу этого, наряду со знаниями, весьма высоко ценился практический опыт и интуиция штурманов. Имена особо одаренных мастеров своего дела были на слуху у всех, судовладельцы наперебой переманивали их к себе и на деньги не скупились, ибо успешность перевозки товаров возмещала все затраты. Как оказалось, Рюйтер весьма быстро завоевал себе имя удачливого штурмана-пилота. У него всего оказалось вдосталь: и знаний, и опыта, и особого штурманского чутья, которому никто и никогда не может научить.

По прошествии некоторого времени умелого навигатора заметили судовладельцы и произвели в лоцманы. Отныне уже Рюйтеру было доверено самостоятельно водить суда по морям.

В 1635 году он был послан к Гренландии за китовым жиром – ворванью, но в тот год китов там было мало. Капитан нервничал, и тогда Рюйтер предложил:

– Давайте спустимся к Магеллановой земле. Там, я слышал, в прошлом году ходили огромные стада кашалотов!

– Но для этого нам придется пробороздить вдоль целый океан! – с сомнением почесал бороду капитан. – Ты ведь еще совсем мальчишка, справишься ли?

– Справлюсь! – упрямо ответил лоцман. – Без прибыли не будем!

Чтобы понять масштаб предлагаемого Рюйтером маневра, сегодняшнему читателю достаточно бросить лишь один взгляд на карту. Даже для нынешних лайнеров этот рейс, очерчивающий вдоль с севера на юг всю Атлантику, был бы не из простых, что уж тогда говорить об утлых суденышках середины семнадцатого века! Но Рюйтер был Рюйтер, и его дерзкий бросок от одних ледников к другим, несмотря на все трудности, и вправду оказался на редкость удачным. Китобой обнаружили огромное стадо китов и не отстали от него, пока полностью

не забили свои трюмы бочками с остро пахнувшей ворванью. Наградой лоцману была лишняя доля с прибыли, данная ему с общего решения команды.

В один из приходов Рюйтера домой мать завела с ним давно ожидаемый разговор:

– Михаил! Ты уже в том возрасте, когда пора обзаводиться спутницей жизни, к тому же оклад судового лоцмана позволяет тебе сносно содержать семью.

Рюйтер кивнул. Он особо не возражал.

– У меня и невеста на примете имеется! – продолжала меж тем мать.

– Кто же? – оживился сын-лоцман.

– Мария Валтер, дочь бочарника Грирскерке. Девушка очень благонравна, да и отец весьма солиден.

Рюйтер кивнул. Невзрачную скромницу Марию он знал давным-давно, и хотя особой любви к материнской избраннице не питал, возражать против ее выбора не стал. Не все ли равно, кто будет ждать тебя на берегу!

– Я вовсе не против Марии Валтер! – сказал он матери, собираясь в плавание к далекой Бразилии. – Вот вернусь с деньгами, тогда и о семье можно будет думать!

Вскоре после возвращения из бразильского вояжа состоялась помолвка, а затем и свадьба. Однако семейная идиллия лоцмана Рюйтера оказалась недолгой. Спустя десять месяцев после свадьбы его молодая супруга внезапно умерла при родах. Ненадолго пережила мать и родившаяся дочь. Потерю жены и ребенка Рюйтер переживал тяжело. Может, именно поэтому вербует он тогда в самые дальние и опасные экспедиции.

Именно в это время Рюйтер совершает еще несколько плаваний в Гренландию и к Магеллановой земле. Там не раз, будучи на краю гибели, молодой лоцман спасает свое судно от, казалось бы, неминуемой гибели, чем заслуживает искренний восторг команды. Во время одного из таких плаваний команду поразила цинга. У людей кровоточили десны, горстями вываливались зубы, тело покрывалось сплошными гнойниками. Не в силах жевать и глотать, матросы буквально умирали от голода. И тогда юный лоцман, сам едва передвигаясь на опухших ногах, готовил им знаменитый «лабскаус» (жидкую кашу из мелко рубленной вареной солонины, перемешанную с соленой селедкой и сдобренную перцем), кормя умирающих чуть ли не с ложки. Таким образом Рюйтер спас от смерти не одного своего товарища. Естественно, что команда платила за такую человечность любовью и признательностью. Матросы, намного старше его летами, добродушно в шутку именовали своего лоцмана не иначе как «папаша Рюйтер». Кто мог подумать, что это прозвище останется за Рюйтером на всю его жизнь, приобретая с годами уже не иронично-дружеский, а почтительно-уважительный оттенок?

Океанские плавания, однако, не всегда были успешными. Во время одного из особо яростных штормов судно, на котором служил Рюйтер, потеряв все снасти и мачты, несколько недель носилось по волнам, и хотя все уже простились друг с другом и молились, призывая легкую смерть, в конце концов, оно все же чудом осталось на плаву.

По возвращении домой Рюйтер вторично вступает в брак. Жизнь моряка полна опасностей и не слишком длинна, а потому Рюйтер торопился познать и высшее человеческое счастье – свой дом и семью. На сей раз избранницей его стала Корнелия Энгель из городка Флессингена, что неподалеку от Бергена. С братом Корнелии Рюйтер плавал на одном судне, он-то и рекомендовал лоцману свою сестру как девушку хозяйственную и домашнюю. Тогда же Рюйтер на собранные за время плаваний деньги покупает себе небольшой дом. Оклад лоцмана позволяет ему содержать жену, а авторитет опытного и удачливого морехода – смотреть с уверенностью в завтрашний день.

– Вот ты и добился всего, чего хотел! – сказал ему отец, наведавшись первый раз в гости. – Большого в жизни тебе ничего и не надо!

– Ты прав, отец! – отвечал ему сын, разливая по кружкам пенное пиво. – О большем я и не мечтаю!

Однако воистину говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. В том же 1636 году молодого лоцмана внезапно пригласили в контору Бергенского общества торговцев.

– Мы несем большие убытки от контрабанды французских и немецких товаров! – заявил там Рюйтеру купеческий старшина Жюст ван Слюйс. – Нам нужно обезопасить себя. Для этого на деньги цеха вооружается судно. Помня твои заслуги в мореходстве и пушкарский опыт в обороне города, мы решили предоставить его тебе. Ступай и оберегай наши интересы, а мы не забудем о твоих!

– Вы не пожалеете, что назначили для исполнения этого дела именно меня! – ответил Рюйтер и с радостью принялся за подготовку к выходу в море.

Нам неизвестно в точности, почему молодой лоцман столь истово бросился исполнять указание купеческих старшин. Возможно, причиной тому была возможность достаточно быстро обогатиться, ведь каждое захваченное контрабандное судно приносило немалый процент от перехваченных товаров капитану, это судно захватившему. И все же думается, что главной причиной радости Рюйтера было неожиданно свалившееся на него капитанство – то, о чем сын простого трактирщика не мог даже и мечтать.

Глава третья. В капитанах

Стать в двадцать девять лет капитаном в голландском флоте, где опытом многолетних плаваний обладали тогда почти все, начиная с простого матроса, было весьма непросто, а, следовательно, и весьма почетно. Зайдя первый раз в свою новую каюту, Рюйтер первым делом повесил на переборку картину местного художника: яркий натюрморт с сочными гроздьями винограда и букетом бордовых тюльпанов, подаренный ему женой на удачу.

Каким же он был внешне, этот только что назначенный капитан Рюйтер? Один из современников будущего адмирала так описывает его: «Рюйтер был среднего роста, но очень статен. Сложения крепкого и очень ловок. Лоб у него был широкий, цвет лица довольно приятный, глаза живые, даже пронизательные, волосы темные. Он носил густые и вздернутые усы. Его наружность являла вид суровости, смешанной с лаской, внушающею к себе в одно время почтение и любовь. Он был от природы здорового сложения, но в молодости поел ядовитой рыбы, что произвело в его членах легкое трясение, во всю его жизнь продолжавшееся. В зрелых летах у него показалась каменная болезнь, которая иногда причиняла ему ужасные боли. Его природная крепость, подкрепляемая привычкою, позволяли ему легко переносить морские беспокойства. Он был так строг к себе, что смеялся, когда видел матросов, скидывающих с себя мокрое платье. Он не помышлял об отдохновении, как только тогда, когда нечего было делать. Он предпочитал грубую морскую пищу нежным кушаньям. Знатные люди, желавшие его угостить, старались соображаться с его вкусом. От природы он был красноречив, всегда весьма счастливо объяснялся. Природа одарила его удивительной точностью рассудка. Он тотчас предвидел, что надо делать и находил средства к достижению своей цели. Его суждения всегда были основаны на прочных чувствах великодушия. Он никогда не затруднялся в разговорах с людьми возвышеннее его, даже с герцогами и королями. Он знал и говорил на многих языках, не учась им в школах. Частые вояжи и долгое пребывание в чужих землях его им научило, а чудесная память способствовала его вниманию и трудам».

В первое же свое крейсерство у побережья Бергена Рюйтер захватил сразу два груженных товарами судна. Одно было из Дюнкерка, другое гамбургское. При этом Рюйтер, пожалуй, впервые, проявил себя и неплохим тактиком, удачно избежав нежелательной встречи поочередно с тринадцатью французскими военными кораблями. Пленение призовых судов внезапно вызвало споры и драки между матросами Рюйтера и командой другого направленного в крейсерство судна, которому повезло значительно меньше.

– Мы захватили – значит, и все добро наше! – кричали, надрывая горло, матросы Рюйтера.

– Мы сообща участвовали в крейсерстве, у нас есть раненые, а потому и делиться надо поровну! – не уступала им команда судна-неудачника.

Обдумав все, Рюйтер решил делить захваченные товары по справедливости между двумя судами. Решение вызвало столь яростную бурю возмущения на его собственном судне, что Рюйтер должен был прервать плавание и вернуться в Берген. Совет купеческих старейшин, рассмотрев взаимные обвинения капитана и команды, одобрил действия Рюйтера и наказал зачинщиков «призового бунта».

– Справедлив до святости! – долго еще хмыкали его матросы, потирая выпоротые «кошками» спины.

В течение последующих четырех лет Рюйтер вновь почти непрерывно бороздит океаны. На этот раз уже полновластным капитаном. Вместе с ним перекачивает с судна на судно и любимый им натюрморт. Помимо натюрморта капитан принес в свою новую каюту и клетку с цыплятами. Разведение цыплят, кормление и ухаживание за маленькими желтыми комочками было, наверное, самой большой отдушиной Рюйтера в дальних плаваниях. К своим воспитан-

никам он относился с огромной нежностью, давал им ласковые имена и не разрешал отправлять их на матросский стол. В портах захода он дарил своих подросших цыплят тем из местных начальников, к кому питал симпатию, беря при этом слово, что те не попадут после его ухода в каstrюлю.

Рюйтер много плавает на Антильские острова и в Бразилию, весьма удачно там торгуя и выгодно сбывая голландские товары. Этот период жизни позволил молодому капитану значительно усовершенствовать и свои мореходные познания, теперь уже и в военной области.

В те беспокойные времена торговля всегда соседствовала рядом с пиратами, а потому каждый капитан, даже самого мирного транспорта, всегда должен был быть начеку. Не раз и не два приходилось встречаться с пиратами в море и молодому Рюйтеру.

Вот как описывает некоторые из таких встреч один из первых биографов будущего адмирала: «В 1643 году на пути в Америку он встретил военный испанский корабль и постарался уклониться, но испанец, нагнав его, дал по нему залп, надеясь утопить. Рюйтер защищался с такой отвагой, проворством и искусством, что пустил испанца на дно. Тут он показал свое человеколюбие, употребляя все средства к спасению экипажа, сохранив жизнь большей части, в том числе и капитану, к которому обратился с вопросом: «Так ли бы поступили вы с моим экипажем, если бы вам удалось потопить мой корабль?» Капитан отвечал: «Я намеревался всех вас утопить!» Рюйтер, справедливо оскорбленный таким безрассудным ответом, приказал бросить всех испанцев в море, и его люди начали готовиться к исполнению приказа. Испанский капитан попросил о помиловании, на что Рюйтер охотно согласился. В одном из его вояжей в Сале ему сказали, что пять алжирских кораблей сторожат его, чтобы завладеть его судном. Он продолжал свой путь и к вечеру остановился на виду у алжирцев. Провел тут ночь. С рассветом приготовился к бою. Не ожидая, чтобы на него напали, сам идет на сильнейшего из турецких кораблей, дает по нему залп. Такая неустрашимость ужаснула турка, который, отступив, свалился с другим кораблем, и оба принуждены были бежать. Рюйтер поворачивает на третий, дает по нему залп с другого борта и тем принуждает отступить. Держа остальных двух в страхе, проходит без малейшего повреждения на рейд в Сале. Жители города, взиравшие на битву со своих стен, удивлялись неустрашимости и искусству Рюйтера, приняли его с торжеством и почетом, провезли верхом по городу, заставив побитых им пятерых капитанов сопровождать его пешком, осыпая их всевозможными оскорблениями.

Возвращаясь из Франции в Голландию, конвоируя множество купеческих судов, Рюйтер встал на якорь у острова Вайта, пробыв там несколько дней во избежание встречи с дюнкеркскими арматорами, крейсировавшими в этих водах. Не упуская благоприятного ветра и по причине приближающейся зимы, Рюйтер решился продолжить путь, пренебрегая опасностями. Другие капитаны осуждали его отважность и отказались ему сопутствовать. Он настоял на своем намерении и, чтобы достичь своего желания, придумал средство. Найдя между своими продуктами испортившееся ирландское масло, велел намазать им всю наружность своего корабля и вступил под паруса. Один дюнкеркский арматор напал на него и предпринял абортдаж. Но намашенная палуба была так скользка, что неприятели не могли на ней держаться, падали один на другого, и тут множество их было перебито, а тем временем остальные убрались на свой корабль. Рюйтер спокойно продолжил свой путь, пришел во Флессинген. Прибытием своим он восхитил купцов, хозяев корабельного груза. Все дивились его хитрости.

Немного спустя после того он начальствовал кораблем, не имевшим более семнадцати человек экипажа и нескольких пушек. Завидев дюнкеркского корсара со ста двадцатью членами экипажа, ведущего богатый приз, распустил все паруса, как будто бы в намерении напасть на него. Преднамерение его удалось. Дюнкеркец, приняв его за военный корабль, покинул свой приз, чтоб удобнее спастись самому. Рюйтер подошел к призу, но опасаясь, чтобы дюнкеркец, бывший еще невдалеке, не рассмотрел слабости его сил и не воротился бы обратно, он спустил

некоторые паруса, как бы разорванные, остановившие его для починки. Увидя дюнкеркца удаляющимся, тотчас переменял курс и с призом пришел домой...»

Практически каждый рейс в Средиземное море был обязательно сопряжен с пиратами. Но Рюйтеру неизменно сопутствовала удача. Дело здесь было даже не столько в везении, а в умении молодого капитана использовать малейший шанс, приносящий успех. Так, в один из рейсов, получив сведения о том, что его груженное товарами судно обязательно должны перехватить, Рюйтер немедленно отыскал в одном из ближайших портов зеландский военный корабль и уговорил капитана отконвоировать его домой, пообещав щедро поделиться вырученными за товар деньгами. В Голландии хозяева судна столь щедрым обещанием были поначалу возмущены. Но Рюйтер смог все же убедить их, что поделиться, на его взгляд, лучше, чем потерять все. В следующем рейсе его, однако, перехватили-таки французские корсары. Видя, что от погони уже не уйти, Рюйтер сам направился к своим преследователям. Как ни в чем не бывало, он прибыл на борт старшего из них, заявив без обиняков, что он торгует под покровительством Генеральных штатов давних и верных союзников французского короля, который и сам имеет немалый процент с торгового оборота.

– Грабя меня, вы тем самым грабите собственного монарха, а подобное никогда не остается безнаказанным! – заявил Рюйтер в заключение своей речи.

Слова дерзкого голландца свое действие возымели. Все завершилось распитием бутылки вина. Кроме этого один из корсаров был даже выделен для его эскортирования.

Прекрасно зарекомендовал себя Рюйтер и как торговец, умело ведя дела и отстаивая интересы своих хозяев. Биограф будущего флотоводца пишет об одном весьма характерном случае: «...В другой раз он привез в Сале разные товары и выставил их на продажу. Санту или владельцу понравилась штука английского сукна; он стал торговать и предложил цену, гораздо меньшую против требуемой Рюйтером. Сей отвечал, что не может отдать за такую цену. Сант возражает, что она более не стоит. Итак, пусть она останется у меня, сказал Рюйтер. Сант повторяет: я хочу ее иметь и не дам более предложенной мною цены. – А я не могу отдать за меньшую цену, по ее качеству, как чужую собственность, лишь поверенную. Сант возразил, что он непременно хочет сие иметь, и чтобы тотчас она была ему уступлена. Рюйтер, видя его горячность, сказал, что он лучше ему ее отдает как подарок. «Как? – возразил Сант. – Ты решаешься отдать доверенное тебе чужое добро, а не хочешь продать за даваемую мною тебе цену?» – «Я не могу продать этого сукна за столь низкую цену, не причиняя недоверчивости к ценам всех моих товаров, но я могу без всяких околичностей подарить, в случае необходимости и в предупреждение худшего следствия!» В конце концов все завершилось тем, что Рюйтер вынудил гордого правителя африканского города купить у него товар по изначальной цене, а кроме того, отныне пользовался у него непререкаемым авторитетом.

В этот же период Рюйтер продолжает с увлечением заниматься картографией. Не доверяя старым зеекартам, он постоянно и с видимым удовольствием составляет свои собственные, изучая при каждом удобном случае местные течения и направления ветров.

Ни о чем ином более в своей жизни капитан и не помышлял. Ему нравится плавать, и он решает плавать, пока позволит здоровье, стремясь при этом приумножить семейный капитал. Когда же придет неизбежная старость, он рассчитывает встретить ее у домашнего очага в кругу своих домочадцев. Так складывалась судьба сотен и сотен других капитанов. Такую судьбу представлял себе и наш герой. Однако провидению было угодно напрочь перечеркнуть эти скромные мечты капитана из Бергена.

Глава четвертая. Во главе эскадры

Может быть, все сложилось бы именно так, как представлял себе Рюйтер, если бы в его судьбу не вмешалась большая политика. Дело в том, что в 1639 году внезапно обостряются отношения между Испанией и Голландией. Старая морская держава к этому времени была уже не в силах конкурировать с набирающей день ото дня силу молодой буржуазной республикой, однако амбиции остались прежними. Испания недвусмысленно пригрозила Соединенным провинциям мощью своей армии. В ответ на это к Голландии немедленно примкнула и мятежная Португалия. Ввиду надвигающейся войны Генеральные штаты начали вооружение флота в два десятка вымпелов. К этому времени Голландия, несмотря на немалое количество опытных торговых капитанов, почти не имела искусных в военном деле моряков, а потому на командные должности собираемого флота пришлось назначать тех капитанов, кто имел какие-то навыки хотя бы в каперной войне.

Все началось с того, что Испания послала через Канал флот в Швецию, с которой у них обострились торговые споры. Так как датский король был в союзе с Мадридом, испанцы намеревались посадить в Дании войска на суда и совместно с датским флотом сделать высадку у Стокгольма. Голландцы решили не пропускать испанский флот. Они собрали 20 судов под командой Тромпа Старшего, с которыми он в сентябре дважды атаковал испанский флот около Дувра. Испанский адмирал Окендо боя не принял, а ушел к английским берегам в Доунс, где стал на якорь. Тромп немедленно блокировал испанцев. Окендо все не решался выйти. Подоспевший английский флот был готов обрушиться на того, кто первый начнет бой. Наконец Тромп, получив подкрепление, решил атаковать. Свой флот он разделил на шесть отрядов. Один – под начальством де Витта – должен был наблюдать за английской эскадрой, остальные пять предназначались против испанцев. Головной корабль должен был вести против испанского главнокомандующего Окендо сам Тромп; следующий вел Эвертсон, получивший приказание напасть на португальского адмирала. В ночь на 21 октября Тромп начал атаку. Он повел все свои отряды в строе кильватерных колонн полным ходом, дабы не дать испанцам времени построиться. План удался вполне: испанцы обрубили якорные канаты, не успели выстроить линию, многие суда сталкивались друг с другом, не менее 22 кораблей выбросились на берег. Последние подвергались усиленному обстрелу со стороны голландцев, несмотря на то что английские береговые батареи пробовали защищать их как находящихся на английской территории; окончательно они были уничтожены брандерами. Эвертсон тем временем сражался с португальским флагманским кораблем *La Teresa*, самым большим кораблем флота, который затем был взорван брандерами. Всего было уничтожено или захвачено 40 судов. Окендо с дюжиной кораблей выбрался, обогнув мыс Северный Сэндхенд, в открытое море и пошел в Дюнкерк: там впоследствии собралось еще несколько судов. Испанцы потеряли около 7000 человек. Тромп привел в Голландию 14 призов. Ему эта победа стоила всего одного корабля и 100 человек команды.

Рюйтер в битве при Доунсе не участвовал, так как только вернулся из дальнего плавания. Зато сразу попал в новую военную экспедицию.

Адмиралом флота в нее был определен хорошо известный несколькими своими рейдами против контрабандистов и удачной стычкой с пиратами в Карибском море капитан Гузельс. Рюйтеру, помня о его отличии в крейсерстве у Бергена, был дан корабль «Хааз», что в переводе значило «заяц». Одновременно с этим тогдашний глава республики принц Оранский назначил Рюйтера и контр-адмиралом, то есть начальником арьергардной эскадры. В виде аванса к будущим подвигам решением штатов Рюйтер был освобожден от участия в вооружении своего корабля. Это был большой аванс, так как снаряжать корабли приходилось зачастую на свои деньги в счет будущих призовых.

Нельзя сказать, чтобы Рюйтер был слишком доволен своим новым назначением. Ему всегда была чужда сама природа войны и куда ближе были дела сугубо мирные, торговые. На купеческих судах того времени весьма презрительно относились к военным судам, считая, что те намного меньше плавают и еще меньше зарабатывают. Военные суда по этой причине называли «яичными ящиками», а их обитателей – «пескарями». Впрочем, это нисколько не мешало купцам с началом очередной войны искать защиты у тех же «яичных ящиков» и смиренно выслушивать указания «пескарей». Увы, судьба подшутила над капитаном Рюйтером и заставила всю оставшуюся жизнь заниматься именно тем, к чему, казалось бы, он не имел никакого призвания. Да еще как заниматься!

В конце июля 1641 года Рюйтер вышел с несколькими кораблями из Флесингена и спустя две недели соединился в море с основными силами адмирала Гузельса. Путь голландского флота лежал к берегам союзной Португалии, где, по сведениям, уже всюду бесчинствовали испанцы. Однако противные ветры задержали плавание флота почти на месяц. Лишь на исходе сентября голландские корабли подошли к Лиссабону. Испанцев там к этому времени, естественно, уже не было. Вскоре лазутчики донесли, что неприятельский флот числом в двадцать четыре корабля находится у Кадикса. Осторожный Гузельс решил напрасно не рисковать, а, спустившись к мысу Сант-Винцент, подождать там союзные португальский и французский флоты и уже общими силами навалиться и раздавить испанцев.

Однако исполнить задуманное не удалось. Едва голландский флот подошел к мысу, как обнаружил там испанцев.

Немедленно началось приготовление к предстоящему испытанию. Корабли напоминали в эти минуты растревоженные ульи. Одни возились у орудий, другие обматывали цепями реи, чтобы их тяжелее было перебить, третьи готовились к возможному abordажу.

Сражение было неминуемым, и оно разразилось. Видя, что столкновения не избежать, и несмотря на превосходство противника, адмирал Гузельс решил атаковать первым. Бой начался с восходом солнца и продолжался до середины дня. С самого начала каждый из капитанов кораблей действовал и выбирал себе противника по своему собственному усмотрению. Никакого единого построения не было, и общее сражение сразу же рассыпалось на большое количество частных поединков, где каждый был сам себе начальник, и вскоре превратилось в самую настоящую свалку. Несмотря на храбрость голландцев, отсутствие у них боевого опыта и численное меньшинство, в конце концов дали себя знать их морское мастерство и умение лучше использовать ветер. В результате этого боя голландцы потеряли два корабля, один из которых был взят испанцами на abordаж, а второй затонул, разбитый артиллерийским огнем. Впрочем, и испанцам сражение обошлось недешево. Они также потеряли два своих корабля и более тысячи человек, выбывших из строя.

Бой при мысе Сан-Винцент, несмотря на отсутствие явного успеха, стал первым настоящим боевым крещением для Рюйтера. И он выдержал его блестяще. Биограф адмирала по этому поводу писал: «Рюйтер отличился в сей битве особым мужеством и искусством. Он с невероятной неустрашимостью подходил на помощь всем бывшим в опасности и освобождал их от неприятелей. Корабль его был избит, как решето».

– Лучше иметь льва, командующего зайцем, чем зайца, командующего львом! – так сказал адмирал Гузельс, прозрачно намекая на название корабля Рюйтера.

После побоища у Сан-Винцента голландцы вернулись к Лиссабону, где занялись исправлением повреждений. Король Португалии Иоанн Первый, довольный тем, что испанцам все же досталось на орехи, велел снабжать союзников всем необходимым, а каждому из голландских капитанов, участвовавших в бою, прислал по полторы сотни ливров, золотую цепь и медаль со своим изображением.

Историк пишет: «Мы видим Михаила де Рюйтера впервые в должности контр-адмирала; здесь он окончательно укрепил за собой репутацию блестящего моряка. Принц Оран-

ский обратил внимание на этого лихого капитана коммерческого корабля, перевел командиром в военный флот и вскоре предоставил ему должность третьего адмирала, то есть шаутбенахта. Мужество и образцовое маневрирование Рюйтера в последнем сражении дали первое доказательство его выдающихся способностей как флотоводца; только благодаря его храброму нападению, послужившему примером многим другим командирам, голландцы не потерпели тяжелого поражения. Каждый из противников лишился двух кораблей; Рюйтер со своим флагманским кораблем дважды выходил из строя, чтобы заделать пробоины в корпусе».

Исправив повреждения, голландский флот взял курс к родным берегам, и в конце января 1642 года Рюйтер уже ошвартовал свой «Хааз» у пристани Флессингена. Больше боевых действий с испанским флотом Генеральные штаты не планировали, а потому быстро распустили и свой. Капитаны и вчерашние адмиралы снова занялись своим привычным делом: купеческими перевозками.

А дома Рюйтера ждало радостное известие. Жена Корнелия родила ему девочку, нареченную Алидой. Подрастали и старшие: сын Адриан и дочь Корнелия. Немного передохнув, Рюйтер снова нанялся капитаном на большой торговый «индеец». Так именовались в обиходе торговые суда, ходившие на Индию и Америку. Несмотря на свой удачный флотоводческий дебют, о военной карьере Рюйтер по-прежнему не мечтает. Ему куда больше нравится водить в океан торговые «индейцы».

Часть вторая. Война с «железнобокими»

Глава первая. Страсти по навигационному акту

Пока Рюйтер занимался своим привычным и любимым торговым делом, в мире произошли весьма важные события. Англичане обезглавили своего короля Карла Первого. Вся власть перешла к лидеру оппозиции Кромвелю, который был объявлен протектором нации. Победив в гражданской войне, «железнобокие» (так именовали приверженцев Кромвеля за их любовь к военным доспехам) занялись и внешней политикой. Первым делом новый правитель Англии издал так называемый Навигационный акт, объявлявший всем, что англичане отныне являются самыми главными на всех морях и океанах. В практическом плане акт закрывал голландским купцам доступ в порты Англии и Америки. Причина появления акта была предельно проста. Англичанам не давало покоя торговое первенство голландцев, чей коммерческий флот достиг к этому времени двадцати тысяч судов, плававших во всех частях света, благодаря чему в руки голландских купцов текли баснословные богатства. Морская торговля, как и торговое кораблестроение, сделались почти полной монополией Соединенных провинций. Амстердам стал, по существу, столицей всей мировой торговли и величайшим хлебным рынком Европы, куда стекались несметные деньги. Там уже всюду процветали первые в мире банки, а предприимчивые голландские купцы уже освоили механизм кредита, о котором в остальных странах еще имели самое смутное представление. Помимо мирового посредничества, в котором предприимчивые голландцы давным-давно оттеснили как испанцев, так и португальцев с итальянцами, им было что предложить для продажи и самим. Республика находилась на экономическом подъеме. Урожаи внутренних провинций были обильны, оттуда непрерывно везли в порты хлеб и масло, сыр и говядину, из Лейдена доставлялось прекрасное сукно, полотно – из Гарлема, а фаянс – из Дельфта.

С таким размахом торговли Англия пока конкурировать на равных не могла, а потому и решилась на столь откровенный демарш.

Из хроники войны: «Причиной войны была широко распространившаяся по всем морям торговля голландцев, вытеснившая таковую всех других государств. Торговый оборот Голландии превосходил оборот Англии в пять раз. Голландский рыбный промысел в столько же раз превосходил английский до 1636 года, когда Карл I изгнал голландскую рыболовную флотилию из трех тысяч судов, занимавшуюся сельдяным промыслом у самого английского берега. Потом он снова разрешил ловлю сельдей, но за очень высокое вознаграждение; во времена революции это соглашение было оставлено без внимания. Уже в 1654 году посланники были отозваны. К этому надо прибавить также следующее: 1) голландцы объявили торговлю со своими колониями монополией; корабль под иностранным флагом они считали призом; 2) победа Тромпа над испанцами на Доунском рейде, следовательно, в английских водах, оставила глубокую обиду в сердцах англичан; 3) гордая своим морским могуществом, нация не могла отнестись равнодушно к успехам голландцев в борьбе с дюнкеркскими корсарами. Играла, следовательно, роль как коммерческая, так и чисто военная ревность. Кромвель заявил категорически, что Англия не потерпит появления без ее соизволения флагов других держав в мировом океане. Эта ревность выразилась в Навигационном акте, изданном в октябре 1651 года, который разрешал торговлю с Англией только на английских судах или на судах государств, из которых этот товар вывозился, причем в последнем случае эти суда должны были идти прямо в Англию, без захода в какие-либо промежуточные порты. Командиры и по крайней мере три четверти команды должны были быть англичанами. Суда, не соблюдающие этого акта, подлежали конфискации. В таком же роде были постановления, касающиеся торговли с колониями и рыбного

промысла. Тем же актом запрещалась иностранцам прибрежная торговля, а пошлины в некоторых случаях были повышены».

Акт был направлен почти исключительно против Голландии, в руках которой была сосредоточена большая часть торговли того времени; голландские порты были самым значительным складочным местом мировой торговли. Помимо этого, чтобы удовлетворить свою «военную ревность», англичане восстановили дерзкое требование прежних времен (эдикт короля Иоанна 1202 года!): чтобы в английских водах все суда спускали свои флаги и марсели перед английским флагом. Даже целые эскадры должны были, таким образом, оказывать почести одному английскому военному кораблю. В понятие «английские воды» англичане включали все Северное море, Канал, Бискайский залив и даже большую часть Северной Атлантики. Кроме этого, английское правительство выдавало частным судам каперские свидетельства, чтобы получать удовлетворение за свои мнимые убытки, чем наносило громадный вред голландской торговле. На основании Навигационного акта Англия начала повсюду захватывать голландские суда, что, конечно, вызывало со стороны Нидерландов ответные меры.

Одновременно хитрый Кромвель попытался наладить дипломатические отношения с Голландией, чтобы усыпить бдительность конкурента. Но его послы получили весьма грубый и гордый отказ от предложенного союза. Хитрость протектора была слишком явной, чтобы кто-то на нее повелся. Условия, предлагаемые Кромвелем для Генеральных штатов, его закон о мореплавании, больно ударивший по торговым интересам Соединенных провинций, были совершенно неприемлемы и наносили серьезный удар голландской коммерции.

Кромвель отказом от союза оскорбился, и английский парламент немедленно объявил войну Голландии, повелев своим арматорам захватывать голландских купцов как призы. Поняв, что дело зашло слишком далеко, голландцы попытались было решить вопрос миром, но было уже поздно. Гвардейцы Кромвеля, прозванные в народе «железнобокими» не только за тяжелые доспехи, но и за завидное упрямство, желали уже не столько отмщения, сколько обогащения. Вместо предложенного полюбовного мира Кромвель избрал войну.

Британские корсары, почуяв легкую поживу, тем временем устроили на морских дорогах настоящую облаву на голландских торговцев. В ответ на это в Амстердаме было решено снарядить военный флот. Во главе его был поставлен старый морской волк – лейтенант-адмирал Мартин Тромп.

А вскоре отыскался и повод для начала широкомасштабных боевых действий. При случайной встрече в море двух небольших эскадр англичане потребовали от голландцев салюта в свою честь. Те ответили гордым отказом. Тогда англичане дали залп, голландцы ответили тем же. Вскоре в море были уже оба флота. Тромп отстаиваться в гаванях не собирался. Англичане от встречи тоже не уклонились. И скоро неподалеку от Дувра неприятели сошлись в генеральной схватке. Четыре часа длилось взаимное истребление. Голландцы потеряли при этом два корабля.

После боя, исправив повреждения, Тромп решил идти на север, чтобы прикрыть сельдяные промыслы, имевшие жизненное значение для Соединенных провинций. Там и встретили Тромпа очередные послы, возвращавшиеся морем из Лондона. Они же известили Тромпа, что видели английского адмирала Аска в дюнах с двадцатью кораблями, и уничтожить его там адмиралу не будет представлять особой трудности. Обрадованный этим известием Тромп немедленно взял курс к дюнам, но попал в жесточайший шторм. Тем временем другой английский адмирал, Роберт Блэйк, ворвался на сельдяную банку и учинил там настоящий погром. Узнав об этом, Тромп бросился вдогонку за разорителем, но угодил в новый шторм и был совершенно рассеян. Очевидец этих событий, один из голландских офицеров, пишет: «Корабли казались похороненными в ужасной морской пучине, выныривая только для того, чтобы быть подброшенными вверх чуть ли не до самых облаков. У одних мачты рушились вниз, у других палубы были сокрыты под бушующими волнами. Буря настолько стала хозяйкой

положения, что корабли потеряли всякую возможность управляться. В любой момент можно было ждать катастрофы». Но все обошлось, и флот, хоть и поврежденный, смог вернуться на свои базы. Неудача Тромпа, хотя она и не была слишком большой (ведь война еще только начиналась!), вызвала бурю негодования в Голландии. Адмирала грозились даже отдать под суд, но постепенно дело замяли.

Уничтожение рыбаков требовало немедленного возмездия, и Генеральные штаты решили собрать новый флот в Флессингене и выслать его в море для защиты коммерции и расправы с зазнавшимися англичанами. Долго думали, кому поручить его под начало. Тромп пребывал в опале, и потому в конце концов выбор пал на Рюйтера. Однако он в это время только что вернулся из дальнего океанского плавания и, наслаждаясь семейной жизнью, выходить в море особого желания не имел.

– Я уже немало повоевал, а еще больше поплавал! – говорил он посланцам из столицы. – И того, и другого вполне достаточно, чтобы обеспечить старость. Я обещал своей супруге быть отныне рядом с ней, и я намерен сдержать свое обещание!

Однако ходоки обратились к патриотическим чувствам Рюйтера, убеждая, что именно от него зависит ныне спасение Родины, и Рюйтер в конце концов принял предложение штатов.

Прибыв в Флессинген, он сразу же придирчиво осмотрел все стоявшие там двадцать два боевых корабля и шесть брандеров, определенных ему под начало. Свой флаг Рюйтер поднял на 28-пушечном «Нептуне». Туда же он перенес свой любимый натюрморт и клетку с неизменными цыплятами.

Из хроники войны: «Чтобы правильно судить о последующих событиях, нужно сравнить оба флота. Для этого нельзя ограничиться подсчетом количества судов и команд обеих сторон, следует принять во внимание также и их организацию, поскольку она влияла на ход событий. Соединенные провинции не были крепко сплоченным государством, с единым правлением или сильной центральной властью. Общие интересы провинций подлежали ведению «Генеральных штатов», то есть собранию депутатов от каждой провинции. Только опасность войны заставляла их действовать сообща. При сильно выраженной самостоятельности и независимости населения сказывался недостаток в общегосударственных финансах. Каждая провинция действовала самостоятельно, чтобы собрать предписанную ей Генеральными штатами часть денег, судов и команд, что вызывало массу лишней переписки и волокиты. Каждая из пяти провинций имела свое адмиралтейство, управлявшее своими судами. Следовательно, во главе флота стояло 5 самостоятельных учреждений, над которыми не было единой власти. Этот недостаток сознавался многими. Существовала партия, желавшая его устранить; но, к большому вреду для страны, тут были замешаны и личные интересы. Оранский дом хотел добиться верховной власти; противодействие он встречал, главным образом, в олигархиях главных городов, за которыми стояло большинство в Генеральных штатах. Обе партии ожесточенно враждовали; из числа республиканских вождей Ольденбарневелт был казнен в 1618 году по наущению Морица Оранского. В рассматриваемое время направление Оранского дома было руководящим, из-за чего армия и флот оставались без верховной военной власти. Подобные разногласия имели и чисто внешние проявления, как, например, споры о кормовом флаге. Похоже, в течение всей этой войны военные суда ходили под оранжево-бело-синим флагом, несмотря на настойчивые требования Генеральных штатов заменить оранжевый цвет красным».

Глава вторая. Битва при Плимуте

В середине августа 1652 года Рюйтер поднял свой флаг на 28-пушечном «Нептуне», вывел вверенную ему эскадру в море и взял курс на Па-де-Кале, чтобы дожидаться там большого торгового каравана и отконвоировать его до родных берегов. Однако попавшийся по пути к Па-де-Кале голландский рыбацкий бот заставил его изменить первоначальное решение. Давний знакомец шкипер рассказал Рюйтеру, что видел накануне английский флот числом более сорока вымпелов между островом Уайтом и Портлендом.

– Все складывается для нас совсем неплохо! – обрадовался, к всеобщему удивлению, Рюйтер. – Мы настигнем англичан и дадим им на орехи! Это будет лучшей защитой нашего каравана!

Буквально на следующий день еще один рыбацкий шкипер уже более основательно обрисовал Рюйтеру состав неприятельского флота: сорок боевых кораблей, из них двенадцать первого ранга, два – второго; кроме этого, флот сопровождают пять брандеров.

Рюйтер и к этому новому сообщению отнесся совершенно спокойно.

– Решение мною уже принято! – объявил он своим засомневающимся капитанам. – Менять что-либо в наших планах уже не имеет смысла! Пусть англичан больше числом, зато мы превосходим их мастерством и боевым духом! А потому будем драться!

Отправив в Амстердам посыльное судно с просьбой о подкреплении, Рюйтер повернул на пересечку неприятелю, не забывая, впрочем, и о купеческом караване. На траверзе Гравелина он успел присоединить к себе караван в шесть десятков набитых грузом транспортов – «индейцев». Это были суда, идущие с севера от Текселя в заморские порты. Заодно к флоту были присоединены и восемь охранявших караван вооруженных кораблей.

Положение Рюйтера было не из легких. Он по-прежнему здорово уступал англичанам в силах, многие корабли были укомплектованы неполными командами, а кроме этого он был вынужден еще и прикрывать порученный ему конвой. Но адмирал был бодр и весел, несколько не сомневаясь в своем успехе.

Поднимаясь по Ла-Маншу, на высоте Плимута с салингов дозорных голландских кораблей впередсмотрящие обнаружили англичан. Аск вел свой флот навстречу голландцам на всех парусах. Ему тоже был нужен только успех.

С каждым часом противники сближались, и столкновение между ними становилось неизбежным. Рюйтер, не теряя времени, разделил свои корабли на три эскадры. Сам при этом возглавил центр, а две другие эскадры поручил опытнейшим из капитанов. Купцы были также наскоро поделены по эскадрам, а тем из них, кто имел по несколько пушек и мог хоть как-то сопротивляться, было велено держаться подле слабейших. Закончив все свои предбоевые перестроения, Рюйтер снял шляпу и широко перекрестился:

– Ну, помоги нам Господь!

Адмирал с тревогой поглядывал на полощущиеся над его головой многометровые вымпела. Ветер был сейчас явно не в пользу голландцев. Англичанам сегодня повезло даже в этом! Но жребий был брошен, и останавливаться Рюйтер не собирался.

В четыре часа пополудни противники сошлись и почти одновременно разрядили друг в друга пушки. Едва битва началась, как все вокруг заволокло непроницаемыми клубами порохового дыма. Но противников это несколько не смутило. Невзирая ни на что, они неистово разряжали свои орудия друг в друга, ориентируясь лишь по крикам команд и воплям раненных. В течение четырех часов шла взаимная яростная перестрелка. За это время Рюйтер умудрился дважды прорезать своей эскадрой английскую линию, сея в ней смерть и опустошение. Впервые в истории был применен маневр, который вскоре станет классическим и просуществует до самого конца существования парусного флота.

Но и голландцам пришлось в тот день непросто. Когда в один из моментов боя крупнейшее торговое судно Восточной Индии «Австрия», сражавшееся своими пушками в общем строю, было со всех сторон окружено англичанами и, казалось, шансов на спасение более не оставалось, а матросы уже во все горло кричали о сдаче, капитан Донве-Аскес, не теряя времени, схватил зажженный фитиль и бросился к крюйт-камере.

– Этот фитиль избавит вас от позора плена! – кричал он, потрясая огнем, своей оторпевшей команде. – Клянусь, что я разнесу судно, если услышу еще хотя бы одно слово о сдаче!

Порядок был немедленно восстановлен, и «Австрия» продолжила бой. Разъяренный происшедшим, Донве-Аскес дрался теперь с таким неистовством, что один пустил на дно два английских корабля, а третьего своего противника избил до такой степени, что тот вынужден был спастись постыдным бегством. Открыв себе путь, «Австрия» пробилась к своим. Голландцы встретили ее появление приветственными криками.

Когда Аск понял наконец, что удача сегодня от него отвернулась, и дал сигнал к выходу из боя, его флот потерял уже три корабля и тысячу триста человек. Потери Рюйтера были в сравнении с этим ничтожны: шесть десятков людей. Все его корабли были на плаву и по-прежнему в полной боеготовности. Оторваться от преследования Аску помог лишь попутный ветер. К тому же Рюйтер, по-прежнему обремененный груженными транспортом, особо преследовать противника и не собирался.

В течение всей ночи после боя Рюйтер спешно исправлял паруса и такелаж. На мачтах голландских кораблей светилось по три фонаря – отличительный знак от англичан. Утром следующего дня голландский адмирал отправил торговый караван в свои порты, а сам бросился в погоню, но догнать противника уже так и не смог. Что-то, а бегать Аск умел!

По сигналу с «Нептуна» на флагман собрали всех голландских капитанов. Подняв с ними по бокалу вина за одержанную победу, Рюйтер открыл совещание.

– Англичане, вне всяких сомнений, побежали чиниться в Плимут! – заявил он заполнившим его небольшую каюту старым морским волкам. – Я хочу напасть на них врасплох! В Плимуте Аск чувствует себя в полной безопасности. Офицеры и капитаны наверняка уже съехали на берег, и нам представляется возможность сжечь весь неприятельский флот прежде, чем он успеет защититься.

Затем слово взял храбрый Донве-Аскес:

– Наша удача предвещает и добрый успех впереди! Мы победили, имея меньшие силы и неблагоприятный ветер! Я обращаюсь к тем из своих коллег, кто не сумел проявить себя в предыдущей битве: вот шанс показать, на что мы способны! Идем!

– Идем, Рюйтер! – закричали возбужденно собравшиеся. – Мы все идем с тобою!

Но голландцам не повезло. Ветер опять, как назло, сделался противным, и следовать в Плимут не было ни малейшей возможности. Скрепя сердце, адмиралу пришлось отменить свое столь смелое предприятие. И пусть в этот раз отважно задуманная операция по атаке неприятельского флота на его же базе сорвалась, однако запомним ее, ибо придет время – и неутомимый Рюйтер осуществит подобное с таким ослепительным блеском, что повергнет в недоумение своими действиями весь мир! Что же касается проведенного им сражения и самого факта планирования диверсии на Плимут, то один из голландских историков дал им следующую оценку: «Только таким великим людям, каков был Рюйтер, суждено было составлять такие дивные и отважные предложения. Победа сия прославила имя Рюйтера во всей Европе и покрыла стыдом Аска».

Из хроники войны: «До высоты Плимута Рюйтер прошел беспрепятственно, все время с разведчиками впереди, держась французского берега; там показался с севера, с наветренной стороны, Аск с 40 судами и 6 брандерами. У англичан было 2 корабля 60-пушечных и 10 больших судов (до 40-пушечных); остальные, как и у голландцев, были перевооруженные купеческие суда. Рюйтер решил немедленно атаковать. Он приказал купцам спуститься под ветер, а

сам лег (при SO ветре) на Аска, бывшего на ветре; последний, в свою очередь, направился на Рюйтера, сохраняя свое наветренное положение. В 4 часа дня начался бой, продолжавшийся 3–4 часа, до вечера. Рюйтер разделил свою эскадру на 3 отряда, при каждом из них состояло по 2 брандера; кажется, определенного боевого строя не было. Голландцы стреляли, главным образом, по такелажу, англичане – по корпусу, что стало традиционным и в последующие войны. Флагманские корабли и большие суда несли на себе всю тяжесть сражения. Вскоре после начала боя образовалась общая свалка; Рюйтер и Аск несколько раз проходили через ряды сражающихся. Со стороны голландцев особенно отличились оба корабля Ост-Индской компании. Прочие суда следовали примеру своих адмиралов лишь отчасти; многие английские командиры, без сомнения, не морские офицеры, а капитаны перевооруженных коммерческих судов, старались держаться в стороне от боя. Вследствие всего этого, несмотря на громадное численное превосходство англичан, исход боя остался неопределенным. Аск предпочел не возобновлять боя. Он пошел ночью в Плимут, а Рюйтер остался под малыми парусами на поле сражения. Утром он видел англичан далеко на ветре; Аск мог возобновить бой, но этого не сделал. Рюйтер одержал победу, не потеряв ни одного военного или коммерческого корабля; преследовать Аска, несмотря на свое намерение, он не мог, так как несколько его лучших судов были сильно повреждены. Надо отметить смелость нападения Рюйтера на значительно превосходящего его силой неприятеля и твердую решимость, с которой он провел бой, благодаря чему вышел с полным успехом из затруднительного положения и блестяще исполнил возложенную на него задачу. Решительное нападение дало ему победу и спасло коммерческий флот».

В течение всего декабря Рюйтер крейсировал с флотом в Ла-Манше. Тем временем, англичане несколько пришли в себя. Неудачника Аска отстранили от занимаемой должности. На его место был определен более удачливый адмирал Блэйк, уже успевший несколько раз отличиться в сражениях с испанцами.

Отремонтированный и обновленный флот под началом Блэйка вышел в море, стремясь отомстить голландцам за свой недавний позор. Узнав об этом, Рюйтер послал извещение о выходе англичан в Амстердам, прося подкреплений. Дело в том, что теперь Рюйтеру предстояло конвоировать до Фландрии новый, только что подошедший из Вест-Индии конвой. Кроме этого на кораблях стал ощущаться недостаток пороха и снарядов. 25 сентября вдалеке показался флот, ведомый Блэйком, но Рюйтер умелым манером быстро оставил его позади.

Но вот конвой доставлен по назначению и у командующего наконец-то развязаны руки. Теперь Рюйтер ждет подкреплений. Однако вместо ожидаемой помощи к находящемуся в море флоту из Амстердама к нему был прислан 44-пушечный корабль под флагом вице-адмирала Корнелиуса де Витта, старейшего и опытного голландского флагмана. Витта отличала безумная храбрость, порой затмевавшая чувство реальности. По этой причине на голландском флоте его звали кратко – драчун. Витту-драчуну, по решению Генеральных штатов, предстояло отныне возглавить флот Соединенных провинций. Немного погодя из Текселя подошла и обещанная эскадра в сорок четыре вымпела, подвезли и боеприпасы.

По существу говоря, Рюйтеру отвесили хорошую пощечину. После только что одержанной победы его попросту без всяких причин сместили с занимаемой должности. Кто это сделал и почему, навсегда осталось загадкой. Быстрая и громкая слава сына трактирщика уже начала раздражать многих куда более именитых, но, увы, куда менее талантливых. Утешением могло служить лишь то, что по опыту и возрасту Витт был все же намного старше Рюйтера, а потому формально имел на командование флотом больше прав, чем он.

Сам де Витт чувствовал себя перед Рюйтером достаточно неловко.

– Дорогой Михаил! – говорил он ему. – Мы все восхищены твоей недавней победой. Но решение штатов таково, что мне приказано возглавить флот. Поверь, что я, как и ты, далек от всех интриг! Зная твой опыт и заслуги, я желал бы видеть тебя своим первым помощником и единомышленником!

– Не волнуйся, Корнелис! – Рюйтер, казалось, был нисколько не опечален своим неожиданным незаслуженным смещением. – Твой авторитет и искусство – залог нашего предстоящего успеха. Мы знакомы многие годы, и ты знаешь, что я никогда не был слишком честолюбив, а тем более завистлив. Если штаты решили дело в твою пользу, так тому и быть. Я же с удовольствием подставлю тебе свое плечо!

Всего под своим флагом Витту удалось собрать шестьдесят два корабля. Остальные, будучи истрепанными штормами, были вынуждены возвратиться в порты с приказанием их капитанам присоединиться к флоту сразу же после исправления повреждений. Стратегическая же ситуация сложилась к этому времени достаточно сложная. Где-то на юге у Плимута находился флот Аска в четыре десятка кораблей. На севере, у Гарвича, – флот Блэйка. Между ними крейсировали голландцы. Время терять было нельзя, надо было успеть разгромить английских адмиралов поодиночке, потому что с объединенным флотом тягаться было бы трудно. А потому Витт решил, не теряя времени, идти на Блэйка, который в это время находился в дюнах с шестью десятками кораблей. Свой флаг он хотел поднять на 54-пушечном «Бредероде», но команда корабля, настроенная против Витта, отказалась пустить командующего к себе на борт. Зная неистовый характер драчуна, его личную храбрость и одновременную холодную жестокость к своим подчиненным, о которой ходили самые зловещие слухи, матросы попросту испугались, что он кинется в такое пекло, из которого мало кто выберется живым.

– Нам терять нечего! – кричали они ему с высоты корабельной палубы. – Все одно погибать – от ядра или от петли! Так что мы уж лучше подождем, когда нас повесят дома: по крайней мере, выпьем еще по паре кварт пива! Так что поворачивай обратно!

Взбешенному Витту пришлось снова вернуться на свой «Принц Уильям». В другой момент он бы живо навел порядок, но сейчас пришлось терпеть.

Чтобы понять происходящее на голландском флоте, необходимо знать, что собой представляли команды его кораблей. Капитанами в ту пору назначали исключительно именитых дворян, имевших огромные связи (так как должность считалась весьма денежной), но являвшихся при этом полными невеждами в морском деле. Не дворянам разрешалось капитанствовать только... брандерами, то есть судами, заранее обреченными на гибель. По сути дела, капитаны военных кораблей только представлялись и больше мешали, чем помогали в настоящем руководстве. Фактически же вся ответственность, забота о корабле лежали на шкипере и штурмане. С них спрашивали за все и всех. Кроме этого капитаны-дворяне не слишком-то слушали и своих адмиралов. Хорошие связи в столице обеспечивали им большую независимость.

Под стать своим капитанам были и команды военных кораблей. Идти туда добровольно, естественно, никто не хотел. Куда выгоднее матросам представлялось плавать на купцах, где риск погибнуть был несравненно меньше, а заработок выше на несколько порядков. По этой причине будущих матросов вылавливали, где только было можно. Бывали случаи, что богатые капитаны выкупали себе будущих подчиненных даже из тюрем. В национальном отношении команды голландских кораблей были весьма разношерстными, и сами голландцы далеко не всегда составляли там большую часть. Очень много всегда было немцев, норвежцев и даже англичан, которые за наличные деньги и гороховую похлебку неплохо громили собственных соотечественников. Моральных стимулов к дисциплине почти не было. Все воспитание строилось исключительно на страхе смерти и наказания. Но условия существования матросов были настолько скотскими, что люди зачастую не боялись уже ничего, даже смерти. А потому бунты команд, как и открытое неповиновение капитанов своим флагманам, было не редкостью, а даже нормой.

Вот как описывает положение матросов того времени российский дореволюционный историк лейтенант Щеглов: «У нижних чинов дисциплина была исключительно основана на страхе наказания. Законы, предусматривавшие наказания за преступления против порядка

корабельной службы, еще носили в ту эпоху отпечаток суровых нравов Средних веков, когда жизнь и благосостояние человека вовсе не ценились. Обхождение с матросами было сурово и жестоко. Чтобы приучить их к труду и держать во всегдашней готовности ко всякому непредвиденному случаю, многие командиры не позволяли им никогда раздеваться под страхом киевования. Кроме этого наиболее употребительными наказаниями были: кандалы, битье плетью, за поднятие руки на начальника матросу отрезалась кисть, за убийство своего же товарища виновного привязывали к спине убитого матроса и бросали за борт. Такая строгость постановлений не могла не иметь влияния на нравы, и команды не обладали высокими нравственными качествами. Будучи лишены не только удовольствий, но и простых удобств, они не могли ценить благ существования в мире, и на этом презрении ко всему окружающему и была основана их храбрость, которая вследствие этого отзывалась скорее терпеливой решимостью мученика, чем беззаветною отвагой бойкой удали».

Зато когда поднималась вся команда, то начальникам приходилось с ней считаться, особенно если это происходило в преддверии решающей битвы. Вот такую-то своевольную и своеправную орду предстояло вести в бой де Витту.

– Я добьюсь победы, и даже сам дьявол не заставит меня отступить! Готовьте брезентовые саваны для трусов и веревки для мятежников! – объявил всем новый командующий, выходя в море. – Для англичан закончились счастливые денечки! Витт – это вам не Тромп!

Но и Блэйк был не чета Аску. Он тоже не стал дожидаться развития событий, а сам устремился навстречу опасности.

Глава третья. Бой при Ньюпорте

Хлесткий ветер срывал с волн пену брызг. С кораблей к Рюйтеру по сигналу съезжались флагманы и капитаны. Утлые шлюпки вообще исчезали из вида, но приходила очередная волна, и они снова и снова взлетали на пенных гребнях. На состоявшемся военном совете Рюйтер решительно высказался против столкновения с Блэйком.

– Мы по-прежнему плохо вооружены, матросы вымотаны долгим крейсерством и догрызают последние сухари. Нужна передышка! Думаю, что лучше попытаться вначале разбить более слабый флот Аска. Блэйк только что покинул порты, а потому весьма силен. Да и в помощь ему наверняка снаряжается подкрепление в ближайших портах.

– Ерунда! – отмахнулся Витт. – Наши негодяи могут и попоститься, а хваленного Блэйка я нисколько не боюсь! Жребий уже брошен!

Несмотря на всю свою решимость, Витт не позаботился выслать вперед разведывательные яхты и вел флот почти вслепую, смутно представляя, где его ожидает встреча с англичанами.

Между тем обстоятельный Блэйк времени зря не терял. 8 октября 1652 года, будучи с подветра неподалеку от отмели Кентиш-Нок, адмирал Блэйк столь стремительно атаковал голландцев, что не дал Витту ни созвать военного совета, ни собрать рассеянные недавним штормом корабли. Теперь Витт мог рассчитывать исключительно на отвагу и инициативу своих флагманов и капитанов. Пока англичане сближались на дистанцию залпа, голландцам удалось выстроить некое подобие боевого строя из кораблей, находившихся поблизости. Палубы торопливо посыпали песком, чтобы не скользить на пролитой крови. Офицеры натягивали на ноги шелковые чулки и кафтаны: при ранениях обрывки шелка не заражают ран. Матросы по древнему обычаю обменивались охранительными амулетами.

Бой начался в три часа пополудни на самом входе в Ла-Манш. Рюйтер вел авангард, де Витт – центр, а де Вильдт – арьергард. Ветер с остервенением рвал плюмажи со шляп и боевых шлемов. В лица людей сплошным потоком летели соленые брызги. Впрочем, все было как всегда, и подобные мелочи никого сейчас не волновали. Еще минута, другая – и, наконец, грянуло!

Когда рассеялись первые пороховые клубы дыма, оказалось, что англичане бьют голландцев в рангоут, те же, наоборот, лупят своих врагов в корпус. Именно поэтому с первых минут потери англичан в людях были ужасающе велики, а голландцы вскоре едва могли управляться. Особенно пострадали от неприятельского огня корабли Витта и Рюйтера.

Оба флагмана, соревнуясь меж собой в отваге, бились с противником на самой кратчайшей дистанции и, невзирая на смерть и разрушения, вели за собой остальных. Большая часть голландских капитанов, воодушевленная примером своих адмиралов, дралась столь же отважно. Однако некоторые все же чересчур осторожничали, не рискуя лишний раз сходиться с противником вплотную.

«Нептун» Рюйтера был в четырех местах прострелен у самой воды. Корабельные плотники едва успевали забивать дырки досками с паклей и салом. Еще хуже было положение с такелажем: рухнул вниз, убивая и калеча всех попавшихся на пути, грот-рей, был изрешечен грот-марсель и перебиты почти все снасти. Немалой была и убыль в людях. Но Рюйтер и не помышлял даже о сколько-нибудь небольшой передышке. Наоборот, он по-прежнему требовал от своего капитана сближения с противником вплотную.

Взаимное избиение продолжалась до самой ночи, и только темнота развела измученных боем врагов. Стоя на палубе, Рюйтер с печалью всматривался вдаль: там многочисленными кострами догорали уничтоженные в дневном сражении голландские корабли. Встреча с Блэйком, как он и предполагал, ни удачи, ни славы не принесла.

В нижних палубах страшно кричали раненые, которым привычные ко всему лекари деловито пилили руки и ноги, окуная для скорейшего заживления кровоточащие культы в кипящую смолу. Рюйтер, будучи не в силах сомкнуть глаз, всю ночь молился за несчастных.

С рассветом предстояло продолжить кровавый спор, но к этому времени ситуация кардинально изменилась. Англичане получили солидное подкрепление, голландцы же не получили ничего, а с учетом понесенных в предыдущий день потерь к утру оказались ослабленными почти на треть. Некоторые капитаны, пользуясь темнотой, сочли за лучшее вообще отделиться от своего флота. Обеспокоенный всем этим де Витт созвал совещание. Прибывший туда шлюпкой Рюйтер высказался первым:

– Я категорически против продолжения боя. Корабли избиты и рассеяны. Велики потери, ранен почти каждый второй. Бегство струсивших ослабило нас еще больше. Противник же, наоборот, усилился и близок к скорой победе!

– Но я как главнокомандующий не могу не атаковать! – вспыхнул налившийся краской Витт.

– При известных обстоятельствах главнокомандующий иногда может оказать услугу своему государству не только наступлением, но и отступлением в видах сохранения государству его флота! – невозмутимо парировал Рюйтер.

Рюйтера поддержали почти все. Самые решительные предлагали:

– Надо для начала перевешать бежавших трусов и, укрепясь духом, идти вперед!

«Драчун», однако, трезво поразмыслив, попридержал наиболее нетерпеливых.

– Даю вам слово, что каждый из беглецов получит по заслугам! Я никогда в жизни не видел таких трусов, какими они себя показали!

Окончательно решив не вступать в бой, Витт повернул флот к родным берегам, понося на чем свет стоит всех изменников и негодяев, вынудивших его на этот шаг.

Из хроники войны: «Витте де Витт не мог не учитывать сравнительную слабость голландских сил, но им руководило честолюбие. Он намеревался застигнуть Блэйка врасплох в Доунсе, но последний вышел ему навстречу и 8 октября в 3 часа пополудни атаковал голландцев еще до того, как они успели выстроить свой, разделенный на 4 эскадры, флот в боевой порядок. Голландцы шли в крутой бейдевинд, при слабом SW. Одна из эскадр была оставлена в резерве и должна была вступить в бой, смотря по надобности. 3 эскадры Блэйка (Бёрн был дальше к югу, Пенн шел вблизи командующего флотом) вступили в бой не одновременно. Блэйку удалось втиснуться между мелью и противником. Пенн, следовавший за ним, со своим флагманским кораблем и задними мателотами приткнулся к юго-восточному углу мели Кентиш-Нок. Это заставило де Витта сделать поворот и пойти на юг. Благодаря этому Бёрн мог вступить в бой, а Пенн, сделавший (к своему счастью) из-за мели поворот, оказался на месте для оказания поддержки. Блэйк, сначала напавший на головные корабли неприятеля, теперь бросился на аррьергард. Неоднократно в этом бою отдельные корабли проходили через ряды противника; но до сосредоточенного нападения с той или с другой стороны дело не дошло. В те времена еще плохо понимали тактику. Получился опять-таки беспорядочный бой. Витте де Витт, остальные вожди и часть голландских командиров сражались с большой храбростью, хотя некоторые суда держались в стороне, под ветром. Бой продолжался до вечера; голландцы пострадали больше, чем англичане; они потеряли 3 корабля и свыше 600 человек команды.

На ночь стали на якорь на месте сражения. Ночью и на следующее утро более дюжины судов де Витта, считавших дело проигранным, ушли под всеми парусами домой, так что у него осталось всего 49 кораблей. Несмотря на это, Витте де Витт хотел возобновить бой, но на военном совете его младшие флагманы, в том числе и неустрашимый Рюйтер, высказывались за прекращение боя из-за своей сравнительной слабости и прибытия за ночь подкреплений к англичанам. Голландцы ушли под малыми парусами. Англичане, к их удивлению, не преследовали их, вероятно, из-за слабого ветра и боязни голландских банок».

Вопреки всем клятвам сдержать свое слово относительно расправы над бежавшими с поля боя голландскому командующему не удалось. У части струсивших капитанов оказались весьма влиятельные покровители, и их так и не посмели тронуть. Затем пришлось заодно отпустить и других, у которых влиятельных покровителей не было. Судебное разбирательство затянулось, и на обвинения стали выдвигаться контробвинения. Все обвиняемые капитаны, объединяясь, ополчились на Витта. В ход пошли светские связи и тайные пружины, о которых бедный Витт и не подозревал. Излишне горячий и эмоциональный, командующий оказался один против всех и, в конце концов, начисто проиграл затеянный процесс.

Но решение суда станет известно несколько позже, а пока голландский флот под командой Витта еще держал курс к своим берегам. Англичане попытались было догнать уходящих, но найти голландцев не смогли, а потому, в свою очередь, повернули к своим берегам. Так завершилось сражение при Ньюпорте. И хотя успех был на этот раз на стороне англичан, голландский флот нисколько не утратил своей боеспособности и по-прежнему был готов в самое ближайшее время снова поспорить за первенство на океанах.

На входе в гавань Витт велел вывесить на реях своего флагмана веревочные петли, демонстрируя тем самым свою решимость разделаться с трусами.

По возвращении флота в Голландию Рюйтер сразу же уехал домой и вновь публично объявил, что твердо решил отныне остаток своей жизни провести в кругу семьи и не ходить больше в море.

– Почему ты хочешь оставить меня, Михаил? – спросил его расстроенный новостью де Витт перед отъездом. – Ты покидаешь меня в самый тяжелый момент, когда я предан всеми!

– Я, так же, как и ты, устал от клеветы и напраслин завистников! – зло ответил Рюйтер. – Пусть кого-нибудь из них назначат на мое место, пора и им показать себя в деле! Мне надоело оправдываться и утираться от плевков!

Обеспокоенные решением Рюйтера, депутаты штатов немедленно отправились к нему во Флессинген и не без труда, но все же уговорили контр-адмирала остаться при флоте хотя бы еще на одну кампанию. Тем временем Витт начисто проиграл судебный процесс против своих капитанов и, превратившись из обвинителя в обвиняемого, сам был смещен с поста командующего. Пытавшегося было поддержать старшего товарища Рюйтера никто толком не стал и слушать. Для аристократов-капитанов он был по-прежнему «белой вороной», представителем презираемой и не замечаемой черни, каким-то невероятным образом, волею случая пролезшего наверх. Разумеется, Рюйтер был необходим всем как специалист-моряк, с ним в этом отношении считались и его ценили, но права голоса на дворянских судебных ристалищах он по-прежнему не имел никакого. Рюйтеру просто показали его место. Обиженный контр-адмирал вновь покинул столицу.

– Да, я сын торговца пивом и сам бывший прядильщик и юнга! – в сердцах говорил он, вернувшись домой, жене. – Но разве я меньше, чем эти бездельники-дворяне, люблю свою родину, разве я меньше сделал для ее благоденствия! Разве у меня не такая кровь и не такое сердце! Почему же меня, заслуженного моряка, может оскорбить любой мальчишка-аристократ?

– Успокойся, милый! – гладила его по голове жена. – Я тебя люблю и не дворянином!

Одновременно с отставкой Витта был возвращен на флот незаслуженно обиженный ранее Мартин Тромп. Он вновь был объявлен главнокомандующим всеми морскими силами республики. При этом Тромпу были даны самые широкие полномочия.

Первое, что сделал Тромп, вступив в должность, – это назначил Рюйтера своим первым заместителем. Такое резкое возвышение сразу же вызвало самое яростное недовольство и сопротивление противников Рюйтера.

– Без чина и рода, мужлан мужланом, кур в каюте разводит, да еще в адмиралы лезет! Не станем такому подчиняться! Пора выскочку на место поставить!

Капитаны-оппозиционеры не только вслух поносили Рюйтера. Один из них даже вызвал его на дуэль. Вызов контр-адмирал воспринял спокойно. Пришедшему к нему секунданту он сказал:

– Это у вас, дворян, дуэли на уме, а мне, прядильщику, на них наплевать. Если кто на мозоль наступит, то я такого сразу кулаком в рожу, чтоб неповадно было!

Тромп, которого ходоки-капитаны стали призывать к дворянской солидарности, ответил так:

– Я с огромной радостью назначил бы на эту должность любого из вас, если бы, кроме своей дворянской спеси, вы умели делать хоть толику того, что умеет Рюйтер. Он у меня один, и покуда я стою во главе флота, я его никому не отдам!

Об очередных страстях вокруг Рюйтера вскоре прознали в Амстердаме. Начальникам Зеландского адмиралтейства было велено разобраться с хулителями и охранять контр-адмирала во всех его правах. Самому же Рюйтеру была прислана грамота с подтверждением всех его полномочий. Грамоту контр-адмирал приколотил гвоздем у себя в каюте и собрал всех недовольных.

– Отныне кто против меня выступит, я его за шиворот и носом в грамоту, чтобы понималось лучше!

Когда же приехавшие депутаты штатов попросили адмирала указать им на его противников, которых надо убрать с кораблей, Рюйтер лишь замахал руками:

– Вся размолвка позади! Мир восстановлен, и я никого убирать от себя не намерен!

Слова Рюйтера быстро стали широко известны и во многом свели на нет все недавние недоразумения.

– Вот так бы сразу делом заниматься, а то сколько времени в игрушки играем! – подвел итог всему Тромп. – Пора за работу!

В это время в Англии, ввиду позднего времени года и на основании одержанной победы, наивно предполагали, что военные действия более не возобновятся. Война в народе и войске была непопулярна, расходы на флот оказались значительно больше, чем ожидали. Англичане считали господство на море за собой обеспеченным, думая, что Нидерланды вот-вот запросят мира. Но Голландия ни о каком мире и не помышляла, а наоборот – была полна решимости взять реванш за первые неудачи.

Время тоже не ждало. Огромный голландский торговый флот, загруженный товаром, бесполезно стоял в портах, ожидая формирования конвоя и проводки в океан. Кошельки купцов стремительно худели. С такой же быстротой поднимались и цены на продукты. В городах зрело недовольство. Не привыкшие к лишениям голландцы требовали от правительства самых решительных мер.

Глава четвертая. Дуврское сражение

В первых числах декабря 1652 года голландский флот был наконец готов к очередной кампании и покинул свои порты. Теперь он насчитывал семьдесят два больших корабля, еще больше мелких судов и несколько готовых к употреблению брандеров. Однако большинство больших кораблей были лишь наскоро вооруженными торговыми судами, и боевая ценность их была не слишком велика. Часть судов вообще купили в самый последний момент у датского короля. Пушки на них были столь старые, что заряжались не с помощью картузов, а по старинке – ссыпанием пороха шуфлой. Но выбирать не приходилось, и Тромп вывел в море все, что у него было под рукой.

Голландскому главнокомандующему предстояло отконвоировать огромный – в триста судов – торговый конвой до мыса Лизард. Но едва двинулись вперед, на горизонте сразу же был усмотрен английский флот. Адмирал Блэйк даром времени не терял. Он также спешил навстречу голландцам, имея всего четыре десятка кораблей. Позднее этот поступок английские историки назовут «опрометчивостью на грани безумства». Дело в том, что Блэйк попросту не ожидал, что голландцы после понесенного поражения сумеют так быстро восстановить свой флот. Именно поэтому его флот не был сосредоточен в одном месте, а наоборот – разбросан. Два десятка кораблей были отправлены в Ньюкастель для конвоирования угольщиков, дюжина стояла в Плимуте, еще дюжина, не торопясь, чинилась в Чатаме. Поняв свою ошибку при первом известии о выходе в море голландцев, Блэйк теперь хотел сам все исправить, но было уже поздно.

10 декабря противники сошлись у самого берега между селеньями Дувром и Фостоком. Так началось сражение, в котором Тромп и Рюйтер стремились любой ценой расквитаться за свой прошлый досадный промах.

Голландцы с самых первых минут схватки оказались на ветре, и Тромп, не раздумывая долго, устремился в атаку, благо меньшинство англичан было для него более чем очевидно. Англичане тоже прибавили парусов. И те, и другие были настроены решительно, и сражение с первых же залпов приняло самый ожесточенный характер. Первыми сошлись авангарды и арьергарды, причем у англичан случайно здесь оказалось кораблей больше, чем у голландцев. А потому соответствующим голландским командующим Рюйтеру и Эвертсону пришлось несладко, пока они не дождались подхода основных сил Тромпа. Однако положение англичан было многим хуже: теснимые превосходящим противником, они вскоре оказались прижатыми к скалистому берегу. Свободы для маневра у них почти не оставалось.

Тромп вел за собой корабли центра, вице-адмирал Эвертсон – авангард. Рюйтер же возглавлял корабли арьергардии. Однако ситуация вскоре сложилась таким образом, что центр оказался несколько в стороне и Рюйтеру с Эвертсоном пришлось вдвоем сдерживать основные силы англичан в течение целой ночи. С восходом солнца подоспел Тромп и в сражении наступил долгожданный перелом. Бой вскоре перерос в настоящее избиение. Сам Тромп при этом захватил 44-пушечный «Гарленд», Эвертсон не отстал от своего главкома и так же пленил 36-пушечный «Бонавентур». Сам Блэйк чудом остался жив, когда рухнувшая вниз перебитая фок-мачта упала в сантиметрах от него. Вскоре один за другим взорвались еще три английских корабля. Понесся огромный урон, Блэйк с остатками избитого флота под покровом темноты сумел ускользнуть в Дувр и добраться до Темзы. Рюйтер гнался за убегающими англичанами некоторое время, но, так же как и они в прошлый раз, не смог их догнать. Английские корабли оказались более легкими на ходу и маневренными. Общие потери англичан составили шесть кораблей, голландцы же лишились лишь одного. Долг за Ньюпортскую неудачу был выплачен сполна!

Из хроники войны: «Эскадра в 20 судов была послана в Гельсингер, чтобы освободить задержанные там датчанами купеческие суда и провести их домой; эскадра такой же силы под начальством Пенна пошла на север Англии, чтобы безопасно провести флот, нагруженный углем, в Лондон; третья эскадра из 12 судов была оставлена в Плимуте для наблюдения за западной частью Канала; наконец, 15 судов были посланы в Темзу для ремонта. Главные силы, 45 судов под командой Блэйка, остались для наблюдения в восточном устье Канала. Однако же в старом Тромпе ошиблись. 1 декабря он вышел с флотом в 90 судов в море, намереваясь напасть в Доунсе на Блэйка, о слабости которого он знал. Ему мешало приказание провести через Канал 500 торговых кораблей, очень медленно собиравшихся, а также жестокий SW, дувший четыре дня. В Голландии выход коммерческим судам без конвоиров был строго воспрещен. Тромпу пришлось вернуться и оставить дома коммерческие суда до окончания операции и до наступления более благоприятной погоды. Затем он снова вышел в море, встретил туман и шторм (было наихудшее время года), но все-таки добрался до Доунса при очень крепком WNW.

Как только Блэйк увидел неприятеля, он вышел из Доунса, где чувствовал себя в опасности, так как дуврские батареи были убраны; находясь на ветре у Тромпа, он лег вдоль берега на SW. Вечером 9 декабря оба противника стали на якорь вблизи Дувра, так как свежий бриз был для боя неблагоприятен. На следующее утро Тромп при свежем NW снялся с якоря и стал лавировать к Блэйку, тот тоже снялся и пошел на запад, но у Денженеса, не будучи в состоянии избежать сражения (по голландским данным), спустился и пошел на абордаж. По английским данным, Блэйк действовал по ранее продуманному плану – идти прямо на противника и прорезать ему строй. Так как такой маневр был опасен в виду близости Варнских банок, то Блэйк решил пройти сначала до Денженеса. В час дня раздались первые выстрелы, но лишь в 3 часа бой стал серьезным. Флагманский корабль Блэйка «Триумф», проходя мимо флагманского корабля Тромпа «Бредероде», дал полный залп; задний мателот английского адмирала «Гарланд» сцепился с наветра на абордаж с «Бредероде», а шедший за ним «Бонавентур» – с подветра. Оба старались завладеть «Бредероде», и последний оказался в очень тяжелом положении. Но вовремя подоспел Эвертсон и лег рядом с «Бонавентур», так что все четыре судна сцепились вместе. После упорного боя оба английских корабля были побеждены. Бой этот дал еще немало случаев единоборства; знаменитые в английском флоте имена судов, сражавшихся в тот день, повторяются доныне. Тут встречаются впервые, кроме вышеприведенных, славные имена «Виктори» и «Вангард». Несмотря на то что флоты приняли участие в бою на близкой дистанции не в полном числе, еще 2 английских корабля были сожжены, а один потоплен. «Триумф» понес тяжелые потери; английский арьергард, около 20 судов, по-видимому, держался на ветре и не принимал участия в бою. Победа, доставшаяся втрое сильнейшим голландцам, была решительной, они потеряли всего лишь один корабль и встали на месте сражения на якорь. С наступлением ранней темноты Блэйк повернул к Дувру, и наутро его потеряли из вида. Не будучи в состоянии возобновить бой, он скрылся в устье Темзы. Преследования со стороны Тромпа не последовало, чему нет оправдания; он довольствовался своим успехом, очистив путь коммерческим судам».

Как бы то ни было, но одержанная при Дувре победа позволила Тромпу успешно вывести огромный, численностью более трехсот больших и тяжелогруженных транспортов торгового конвоя, в океан, а затем встретить и привести в Голландию не менее многочисленный конвой из возвращающихся домой судов. Республика вздохнула спокойно, а честь Тромпа была восстановлена.

Глава пятая. Три дня Портленда

Сразу же после рождественских праздников 1653 года, к удивлению всех, Тромп неожиданно вышел в море. Рюйтер, как всегда, вел авангард флота. К столь раннему выходу в штормовое море голландцев вынуждали особые обстоятельства – надо было встретить возвращавшийся с океана огромный, груженный товарами конвой.

Из хроники войны: «В январе Тромп провел еще один торговый флот в 150 судов через Канал, невзирая на время года. В Бискайской бухте Тромпа настиг шторм, и он зашел в Иль-де-Ре (перед Ла-Рошелю, недалеко от Рошфора. – *В. Ш.*), где его суда потребовали исправлений; этот порт служил сборным пунктом возвращающимся на родину купцам, ожидавшим конвоиров для безопасного прохода в свои порты. Только таким образом Голландия могла поддерживать свою торговлю при враждебном отношении Англии. То, что Генеральные штаты употребили для этой цели свои главные силы во главе с лучшим адмиралом, нам кажется целесообразным. Они не могли не знать о грандиозных вооружениях англичан и не должны были лишать отечественные воды защиты. Следовало, не отвлекаясь на второстепенные задачи, сохранить господство на море. Тем не менее, конвоирование торговых флотов осталось бы необходимым, но оно могло быть поручено менее крупным и боеспособным эскадрам (как, например, отряду Рюйтера в августе 1652 года). Голландия оставила англичан в Гоовдах и Канале совершенно свободными в своих действиях; свой боевой флот, давший 10 декабря сражение, она подвергла непрерывному плаванию вдали от операционной базы, длившемуся целые месяцы, не озаботившись даже пополнением запасов; тут опять-таки видны недостатки планомерного высшего командования.

В начале февраля, придя в Иль-де-Ре, Тромп привел свои корабли в порядок и затем вышел в море для конвоирования 150 (по другим данным – 300) купеческих судов с ценным грузом. В Бискайском заливе он встретил жесткий НО, который лишь 24 февраля перешел в NW и дал Тромпу возможность войти в Канал. Придерживаясь французского берега, он 28 февраля утром дошел до мыса Ла Хог, где при свежем WNW обнаружил прямо по носу, следовательно, с подветра, у английского берега на траверзе Портленда, большой английский флот. То был Блэйк, вышедший из Темзы 18 февраля с 60 военными судами, между которыми было много только что выстроенных быстроходных судов. Соединившись у Дувра с 20 шедшими из Портсмута кораблями, он шел теперь навстречу Тромпу, но без разведчиков. Под начальством Блэйка были генералы Монк и Дин и адмирал Пенн. Адмирал Аск, после неудачного боя с Рюйтером 26 августа 1652 года, был отстранен от командования. Английский флот, лавировавший в Канале по направлению к W, не был в сомкнутом строю: Блэйк с главными силами (центр, красный флаг) – далеко на ветре, арьергард под командой Монка – еще в милях в 4–5 под ветром. Дин находился на флагманском корабле Блэйка. Каждая из 3 эскадр делилась на 3 отряда и, кроме начальника, имела по вице- и контр-адмиралу».

Находясь в десятке миль от британского Портленда, Тромп внезапно обнаружил английский флот. Белые облака парусов, казалось, заслонили весь горизонт. Это означало лишь одно: Блэйк снова вышел на свою охоту. И хотя в задачу голландского командующего входила, прежде всего, безопасная проводка в свои порты большого торгового конвоя, набитого товарами и возвращающегося из колоний, который он только что встретил, но, завидев врага, Тромп сразу же бросился на него.

Блэйк также не был намерен уклоняться. К этому времени он не только произвел ремонт кораблей, но и полностью сменил своих младших флагманов, добившись назначения на эти должности сухопутных генералов, весьма малоопытных в морском деле, но имевших хватку настоящих бульдогов. Историк пишет: «Поражение Блэйка при Дувре произвело сильное впечатление во всей Англии, и потому зима была употреблена на новые приготовления. Англи-

чане готовились с такой поспешностью, вражда и соревнование были столь велики, что они не дождались даже наступления удобного времени для плавания и вышли в числе 68 кораблей в море в середине февраля».

Бой реванша и престижа был неизбежен, и он состоялся. Когда торговые суда подошли к побережью нейтральной Франции, Тромп расположил свой флот между уходящими «индейцами» и неприятелем. Количество кораблей было примерно равным. На 75 кораблей Тромпа Блэйк имел только 70, однако корабли англичан были гораздо мощнее.

Утром 28 февраля посланные на рекогносцировку семь голландских кораблей опознали три дозорных английских и немедленно вступили с ними в драку. Яростная перестрелка между ними продолжалась более трех часов, но так и не дала преимущества ни одной из сторон. К часу дня к месту их боя начали медленно подтягиваться главные силы противников.

Голландцы находились на ветре и Тромп, воспользовавшись этим, оставил стеснявшие его коммерческие суда на ветре. Сам при этом с боевыми кораблями спустился на англичан, развернув свои корабли строем фронта. Разумеется, что при этом он подвергал себя некоторому риску, подставляя форштевни под бортовые залпы англичан, однако риск был оправдан, ибо теперь вся инициатива была в руках голландцев. Полтора столетия спустя нечто подобное блестяще демонстрирует под Трафальгаром лорд Нельсон.

Тромп шел в самой середине спешащих в бой кораблей. Рюйтер и Эвертсон находились на флангах. Англичане к этому времени не имели определенного строя, а двигались единой неорганизованной толпой общим направлением на северо-восток. Едва противники сошлись на дистанцию открытия огня, как загрохотали тяжелые 36-фунтовые пушки, – это англичане приветствовали своего противника. Сражение началось.

Голландские капитаны, исполняя волю своего командующего, на английский огонь безмолвствовали. Первый их залп раздался не раньше, чем голландский флот вышел на расстояние мушкетного выстрела, а потому эффект его был потрясающ. Ни одно ядро, ни одна бомба не пропали даром, найдя себе щедрую поживу. Но более всего был великолепен маневр самого «дедушки Тромпа». Не доходя флагманского корабля Блэйка «Триумф», он разрядил по нему орудия левого борта, затем, быстро положив руль, повернул параллельным курсом и теперь уже разрядил почти в упор орудия борта правого. Тем временем левый борт был снова готов к новому залпу, что Тромп не замедлил и сделать, обогнув с необычайной ловкостью беспомощный и несчастный «Триумф». Опустошение, произведенное огнем Тромпа, было столь велико, что Блэйк был вынужден на некоторое время бросить свой флот, чтобы хоть немного поправить положение дел на своем собственном корабле.

В течение сражения Тромп несколько раз смело прорезал английский флот и тем самым разделил его на несколько обособленных отрядов, разделенных друг от друга более чем на милю. Так англичане и сражались.

Тем временем возглавлявший авангард Рюйтер отважно забрался в самую середину английских порядков и бился там сразу против всех. Англичане, сосредоточив свой огонь по рангоуту «Нептуна» и перебив ему почти все снасти, вскоре лишили его маневра. Последними усилиями вице-адмирал все же приткнул корабль к ближайшему английскому. Немедленно начался ожесточенный рукопашный бой. Однако кинувшиеся было на английскую палубу матросы получили там столь сильный отпор, что попятились. Мгновенно оценив обстановку, Рюйтер выхватил шпагу:

– Кому жизнь не дорога – за мной на абордаж!

И первым бросился на врага, увлекая за собой остальных. Кровавая резня длилась каких-то десять минут, после чего корабль был в руках голландцев.

– Поднять флаг республики! – распорядился вице-адмирал, вытирая кровь с лезвия шпаги о собственные штаны. – Кажется, наша берет!

Но пока Рюйтер захватывал одного англичанина, его, дерзкого, окружили сразу еще двадцать во главе с жаждущим возмездия контр-адмиралом Пенном.

– Кажется, мы слишком разозлили этого господина! – показал Рюйтер на развевающийся контр-адмиральский флаг.

Из тяжелого положения Рюйтера выручил его старый друг Эвертсон, вовремя пришедший с несколькими кораблями на помощь. Огонь его был столь внезапен и действенен, что адмирал Пенн бросил поле брани и едва дотащился до Портсмута со своими шестью вконец разбитыми кораблями.

Взаимная пальба продолжалась до самой ночи. Особого строя никто не держал. Все скопление палящих друг в друга кораблей напоминало одну гигантскую кучу-малу. Темнота дала недолгую передышку.

Из хроники войны: «Итак, Тромп с 80 кораблями и приблизительно 200 купеческими судами, входящими при свежем северо-западном бризе в Канал, видит 28 февраля впереди себя под ветром между мысом Ла Хог и Портландом, в 250 милях от отечественных портов, большой неприятельский флот, приблизительно 70 судов, идущий в полветра на юго-запад. Что теперь делать? Тромп немедленно нападает, так как ему положение неприятеля, находящегося в сравнительном беспорядке, кажется благоприятным. Купцам он приказывает лечь в дрейф, благодаря чему они остаются на ветре, а сам, ведя вместе с Флорисцоном авангард – всегда вождь впереди, – спускается на фордевинд на неприятеля. Эвертсон идет в середине, Рюйтер в арьергарде. «Триумф» с Эвертсоном на борту направляется на английский флагманский корабль; оба флота не имеют определенного боевого строя. Вскоре образовалась общая свалка – бой велся ожесточенно. Тромп сильно наседавал на флагманский корабль Блэйка; последний был ранен в ногу, что сделало его на всю жизнь хромым, но командования не передал. Многие суда сцепились на abordаж. Голландские командиры почти все держались хорошо, так же, как и английские. Суда, бывшие под ветром, стали мало-помалу подходить. К полудню подоспел Монк и принял участие в бою, который продолжался с неослабевающей энергией до 4 часов пополудни, не дав никакого результата. Все же Блэйк с дюжиной своих судов был в опасности быть отрезанным от своего флота Тромпом, Рюйтером и Эвертсоном. Но тут ему помог Пенн, действовавший весьма ловко и самостоятельно, а также адмирал Лоусон; искусно маневрируя, они оба напали на Тромпа с юга. В это время (4 часа дня) Блэйк приказал нескольким (7–8) быстроходным фрегатам подняться на ветер и напасть на голландских купцов. Как только Тромп заметил этот маневр, он прекратил бой и сам пошел на защиту конвоируемых им судов. Блэйк за ним не последовал; тем и кончился бой первого дня. Повреждения англичан были очень тяжки, некоторые из их командиров ранены. Обе стороны лишились нескольких судов, потери в людях как у тех, так и у других были значительны. Но повреждения голландцев оказались в общем сильнее – тяжелая английская артиллерия дала себя больше чувствовать, ведя огонь по более слабым голландским корпусам. К ночи стихло, и оба флота остались недалеко друг от друга: суда спешили исправить свои повреждения. Блэйк имел твердое намерение возобновить бой на следующее утро. Тромп собрал военный совет, чтобы решить, как поступать дальше. Он оказался перед более сильным противником, а ведь он должен был, главным образом, еще и защищать вверенный ему коммерческий флот. Следовало ли продолжать бой или начать отступление, продолжая путь и прикрывая купцов? Оставить купцов без прикрытия было невозможно: неизвестно, что их ожидало у Дувра. Выделить отдельный конвой для сопровождения коммерческих судов, а самому продолжить сражаться с главными силами, чтобы дать купцам возможность уйти вперед, голландский флот не мог – он был слишком слаб. Боевых припасов уже начинало не хватать. Положение голландцев было очень тяжелое. Еще можно было укрыться в нейтральном порту, например в Гавре. Тромп решил начать отступление; прикрывая купцов».

В течение ночи противники медленно продвигались вверх по Каналу. Голландцы упорно уводили огромный конвой от врага. С рассветом Тромп, Рюйтер и Эвертсон, выиграв ветер, построились в строй тупого угла, поместив в центре торговые суда. Этим они прикрыли конвой от нападения англичан. Несколько попыток тех приблизиться к конвою, были отбиты со всей решимостью.

Однако едва солнце взошло окончательно, сражение продолжилось с новой силой. Противники на этот раз находились уже в нескольких милях от острова Уайт. Во время этой схватки никто так и не получил какого-то перевеса. Англичанам, правда, в неразберихе драки удалось захватить несколько отставших торговых судов. Но успехом это назвать было уж никак нельзя. Голландские адмиралы по-прежнему упорно сохраняли свой тупой угол и отбивали все наскоки противника. И снова только ночь прекратила взаимное истребление.

Из хроники войны: «Он (Тромп. – *В. III.*) образовал своим флотом тупой угол, вершиной к неприятелю и поставил купцов в середине; в таком порядке 1 марта утром, при легком WNW, голландцы продолжали плавание по Каналу. Англичане заметили это поздно и бросились в погоню под всеми парусами; в 10.30 часов утра головные корабли настигли неприятеля и возобновили бой, главные силы подошли к 2 часам (на SO от Уайта). Блэйк построил свои суда в том же порядке, как и голландцы, с фрегатами на флангах, которые окружили купцов. Стремление англичан завладеть призами заставило их, вопреки своей обычной тактике, стрелять по рангоуту противника, чтобы мешать ему свободно передвигаться и уменьшить его ход. Поврежденный флагманский корабль Рюйтера вскоре был взят на буксир. Шесть раз в течение дня англичане пробовали с большими усилиями прорвать линию неприятеля, чтобы добраться до коммерческих судов, но тщетно; лишь два голландских корабля, отставшие из-за повреждений, попали в руки англичан; таким же образом и несколько купеческих кораблей, не удержавших своего места, сделались добычей фрегатов. Лишь с наступлением темноты бой кончился. Однако же Лоусону посчастливилось на правом фланге отрезать и захватить два военных корабля и около дюжины купеческих. В это время ветер усилился (W), ночь была ясная и холодная. Англичане следовали по пятам голландцев. Тромп стал получать извещения, что боевые припасы приходят к концу: голландцы... сражались уже два дня, а боевые запасы не были пополнены. Тромп всем им по возможности помогал, но у него самого оставалось мало снарядов: положение напоминало Армаду. 2 марта утром голландцы находились у Бичи-Хеда, они продолжали плавание в том же порядке, но некоторые купеческие суда пустились в бегство, чтобы искать спасения у французского берега».

На третий день все продолжилось. Англичане нападали, голландцы успешно отбивались и уводили свой торговый конвой. Однако Тромп нервничал: его корабли достреливали последний порох. Один из историков заметил об этом непрекращающемся побоище следующее: «Все офицеры и даже солдаты одушевились ненавистью своей нации против другой. Все составлявшие оба ополчения походили на львов, которых кровопролитие возбуждало к убийству». Кажется, что побоищу не будет конца. Горящие и разбитые корабли противников ковыляли в свои порты, остававшиеся в строю продолжали сражаться.

На исходе третьего дня Блэйк, получивший ранение в бедро осколком ядра и видя, что Тромп как ни в чем не бывало готовится к продолжению боя на четвертый день, понял, что драться снова для него равносильно самоубийству. У английского командующего сдали нервы, и он взял курс к берегам Англии. Голландцы уходящих преследовать даже не пытались, для этого у них просто не было сил!

Из хроники войны: «В 9 часов утра Блэйк возобновил нападение, как и в предыдущий день, с большой энергией. Многие голландские корабли быстро расстреляли остаток своих боевых запасов; некоторые из них ушли под всеми парусами, чтобы не служить неприятелю мишенью. Тромп располагал для боя всего лишь 30 судами. Несмотря на свою слабость, он отразил нападение, предпринятое после продолжительного промежутка Блэйком всеми силами.

Сведения о сражении с этого момента значительно расходятся. Тромп прекратил бой, когда и у судов, оставшихся боееспособными, почти не осталось боевых припасов; у Эвертсона они совсем иссякли. Корабли Рюйтера и Флориссона были настолько повреждены, что их пришлось вести на буксире. При таких обстоятельствах Тромп не мог помешать дюжине фрегатов, посланных Блэйком забрать несколько коммерческих судов, слишком отдалившихся от флота. К вечеру оба флота находились вблизи мыса Гринэ. В течение ночи Тромп продолжал путь при жестоком NW и вскоре потерял из виду английские огни. Блэйк, видимо, стал на якорь недалеко от Гринэ, так как счел слишком опасным огибать ночью мыс из-за сильного отливного течения и ветра, который медленно стал переходить к востоку. Лоцманы убеждали Блэйка, что и Тромпу при стихающем ветре не обогнуть мыса. Операция была окончена; вероятно, англичане тоже расстреляли свои боевые запасы. Такелаж их судов настолько пострадал, что Блэйк счел дальнейшее преследование неразумным. Он пошел обратно и 4 марта, находясь вблизи Уайта, мог донести о своей победе. Тромп со своими поврежденными судами вследствие неблагоприятного ветра достиг родины только 6 марта; при энергичном преследовании, вероятно, ни одно из его судов не могло бы спастись».

Командующие подсчитывали свои потери. Тромп потерял за три дня девять кораблей, из которых пять были потоплены, а четыре захвачены англичанами на бордаж. Кроме этого англичанам удалось захватить и три десятка купеческих судов. Число погибших составило шесть сотен человек, среди них восемь корабельных капитанов. Вот описание плененных голландских кораблей из английских газет тех дней: «Все корабли, которых захвачено множество (на самом деле всего четыре. – В. Ш.), залиты кровью, их мачты и такелаж забрызганы мозгами, повсюду валяются расколотые черепа, части человеческих тел. Зрелище ужасное, хотя оно и подтверждает славу и отменные боевые качества моряков вражеского флота».

Англичане потеряли при этом шесть кораблей и более чем две тысячи человек. Флот их был избит до последней крайности. Только на флагманском «Триумфе» погибло сто человек из бывших там трехсот пятидесяти. Так что Блэйк поступил совершенно разумно, не став продолжать бой, который на четвертый день непременно закончился бы для него настоящим разгромом. Впрочем, на этот раз англичан спасла гуманность Тромпа и его младшего флагмана Рюйтера. Спустив топсели на своих кораблях, они недвусмысленно дали понять, что если англичане начнут отход, то никто их не будет преследовать. Естественно, что Блэйк не замедлил воспользоваться таким великодушным жестом со стороны своего противника.

Сам Блэйк столь галантен не был. Когда лоцманы сказали ему, что голландцы, по слабому знанию французского берега, на этот раз, кажется, попали в ловушку и скоро все будут прочно сидеть на каменных отмелях, он радовался, как ребенок, предвкушая массовое крушение врага.

Дело в том, что в пылу боя корабли Тромпа оказались к юго-западу от мыса Гринэ, и англичанам думалось, что по причине крепкого норд-веста им ни за что не пройти Дуврский пролив, а ветер в конце концов разобьет их о ближайшие скалы. Но они жестоко просчитались. Под покровом ночи Тромп вывел свой флот из западни и привел домой, хотя при этом пришлось заменить все порванные паруса на штормовые. Передовым, показывая путь остальным, вырвался из Дуврского пролива Рюйтер.

3 марта коммерческий конвой вошел в Дюнкирхен, следом за ним показались и закопченные, но не побежденные корабли военного флота. Голландия встречала своих моряков восторженными криками и рукоплесканиями. Отныне Тромп стал уже не просто главнокомандующим – он стал национальным героем. Не был обойден вниманием и Рюйтер, которому депутаты штатов изъявили свое благоволение за мужество и искусство в трехдневном бою. Но почивать на лаврах было некогда. В портах и гаванях стучали молотки и визжали пилы. Голландцы спешно приводили в порядок свой истрепанный флот, чтобы он как можно скорее был готов к новым боям.

В Англии итоги сражения между Блэйком и Тромпом восторгов не вызвали. Несмотря на трофеи и бодрый доклад адмирала, было слишком очевидно, что флот свою главную задачу так и не выполнил. Голландцы не только отбили нападение Блэйка, но и беспрепятственно привели домой океанский конвой. А это было для них дороже самой большой победы. Несмотря на разгар войны, Соединенные провинции по-прежнему торговали, а значит, и богатели!

После тяжелейших людских потерь теперь и у голландцев, и у англичан катастрофически не хватало матросов. Первым из-за этого пришлось прекратить плавание в Гренландию и повысить денежное довольствие команд; в Англии стали переводить во флот солдат. Что касается постройки новых судов, то в Англии имелся еще достаточно сильный резерв в судовом составе, тогда как постройка и починка судов в Голландии шла очень медленно, на что адмиралы неоднократно жаловались.

Вооружению обеих стран несколько мешали и начавшиеся было мирные переговоры. Они имели цель успокоить общественное мнение, так как народные массы обеих стран не желали продолжения войны, не понимая, почему протестанты избивают друг друга на потеху католикам. В Англии, кроме того, сильно повлиял на приготовления роспуск «долгого парламента» (в апреле) и захват Кромвелем единодержавия. Помимо всего, Англию будоражили и многочисленные мятежи из-за задержки жалования. Мятежников беспощадно вешали. В ответ на это английские матросы начали массово перебегать в голландский флот.

Уже в начале мая 1655 года Тромп с Рюйтером вновь выходят в море, чтобы отконвоировать на этот раз уже две сотни транспортов, идущих с грузом во Францию и Испанию мимо английских берегов с севера. На обратном пути им предстояло привести не менее многочисленный обратный конвой.

К этому времени привел себя в порядок и английский флот. Вместо неудачника Блэйка во главе его был поставлен адмирал Монк, поднявший свой флаг на корабле «Резолюшн». Лазутчики у англичан работали неплохо, и скоро Монк уже знал не только время выхода Тромпа в море, но и цель его плавания, и даже маршрут. Естественно, что вновь назначенный адмирал должен был сразу же показать себя в драке с голландцами. Но Тромп был тоже не лыком шит. В самый последний момент он изменил маршрут своего плавания, оставив стороживших его англичан с носом. Караван ушел в Южную Европу без всяких осложнений. Не менее успешной была проводка и обратного конвоя. Тромп вновь оказался на высоте и, не потеряв ни единого вымпела, привел всех в свои порты.

Глава шестая. Ньюпортская дуэль

Время, однако, не ждало. Голландские адмиралы горели желанием окончательно и бесповоротно переломить ход битвы за море в свою сторону. Для этого им надо было торопиться. От рыбаков пришло известие, что в плохо защищенном Доунсе сейчас отстает эскадра вице-адмирала Бодлея. Тромп совещался с Рюйтером и Эвертсоном – напасть или нет? Взвесив все за и против, решили нападать, несмотря на то, что собственные, изрядно потрепанные боями и морем силы удалось пополнить всего лишь семнадцатью наскоро переделанными из купцов кораблями. Рюйтер, правда, высказал мнение, что от использования таких сомнительных боевых единиц лучше раз и навсегда отказаться, ибо толку от них в бою будет немного, но Тромп с Эвертсоном его не поддержали:

– Сейчас не время ставить условия штатам! Надо воевать на том, что есть, а разберемся после! Сейчас куда важнее преподать англичанам хороший урок!

Поэтому, едва на их корабли погрузили бочки с водой, а на палубы забросили мешки с сухарями, голландский флот вновь поспешил в море. Однако теперь Тромп не прятался от противника, а наоборот, сам желал и искал встречи с ним. В составе пяти эскадр голландцы мчались к английским берегам. Хлесткий ветер пучил паруса, корабли отчаянно кренило в пенных разводьях волн. Над головами моряков во всю ширь неба хлестали многометровые вымпела. Чтобы поймать Бодлея, Тромп широко раскинул свои сети. Часть флота под началом «драчуна» де Витта заходила к Доунсу с севера, сам Тромп с остальной частью сил спешил туда с юга. Однако, как оказалось, и англичане не дремали. Бодлей, получив известия о намерениях голландцев, немедленно перебежал к Темзе, а Монк, находившийся с главными силами в Ярмуте, сразу же вышел в море навстречу противнику. Таким образом, английский флот оказался между разделенными доброй сотней миль голландцами. Если бы только Монк знал об этом, то, несомненно, мог бы попытаться счастья, напав на неприятеля до его объединения. Но английский командующий, зная о самом факте выхода голландцев, не имел ясного представления, где они находятся.

В свою очередь, Тромп с Рюйтером, не найдя, к своему несказанному огорчению, англичан в Доунсоне, узнали, что Бодлей, скорее всего, может находиться около Вли и поспешили на север. А затем адмиралам все же повезло. Неподалеку от острова Вальхерна они остановили рыбачью лайбу, с которой за горсть золотых монет с радостью сообщили, что не далее как утром видели английский флот в десятке миль на вест-норд-вест.

– Теперь-то уж точно не уйдут! – обрадовался Тромп. – Ложимся на вест, чтобы отрезать нашим друзьям путь бегства к Темзе!

Из хроники войны: «В начале лета Тромп снова вышел с флотом в море и провел 200 коммерческих судов в Категад; затем он вернулся в Гоовды, обстрелял в отсутствие английского флота Дувр, и на этот раз вошел в Доунс, где 4 июня нашел лишь маленький отряд Бадли (вернувшийся со Средиземного моря) и несколько коммерческих судов, которые были им захвачены. 5 июня он встретил у Нью-Порта подошедший тем временем английский флот под начальством Монка и Дина. Англичане тревожили все неприятельское побережье и сильно мешали торговле и рыболовству. Блэйк еще в начале апреля был послан к шотландскому побережью с эскадрой в 20 судов – неизвестно с какой целью: вероятнее всего, его желали иметь вдали и не при главных силах флота, так как в то время (2 мая 1653 г.) Кромвель насильственно распустил Государственный совет и Парламент и сделался единственным самодержавным правителем. Блэйк был единственным человеком и вождем, пользовавшимся таким большим уважением и обладавшим столь выдающимися способностями и твердым характером, что мог быть ему опасным. Характерны слова Блэйка, обращенные к командирам, когда стало известно

о государственном перевороте: «Не наше дело заботиться о государственных делах, мы должны лишь не позволять иностранцам сесть нам на шею».

12 июня на высоте Ньюпорта, неподалеку от банки Габард, что в Северном море, на голландских кораблях раздалось долгожданное:

– Виден неприятельский флот! Зюйд-зюйд-ост!

– Отлично! – обрадовался, покручивая свои длинные усы, Тромп. – Мы направляемся на него! Считайте паруса!

Силы англичан оказались на этот раз в сто кораблей. Голландцы могли противопоставить им девяносто восемь вымпелов, которые, однако, были значительно слабее вооружены против неприятельских. Предусмотрительный Монк, завидев противника, развернулся фронтом, разделившись на три эскадры. Одна из них составила центр, другие же представляли собой как бы огромные распушенные крылья. Англичане выстраивали кильватерную колонну, но это им не особенно удалось из-за слабого и переменчивого ветра. Маневр англичан читался легко: Монк желал охватить голландцев со всех сторон, а окружив и сбив в кучу, расстрелять продольными залпами. Но голландцы были слишком опытны, чтобы поддаться на такую простую уловку. Тромп немедленно принял контрмеры и также построил свою кильватерную колонну.

Было одиннадцать утра, когда начался этот бой. Тромп и Рюйтер, по своему обыкновению, быстро выиграли у своего противника ветер. И вскоре шедший впереди Рюйтер уже вовсю дрался, имея против себя отряд контр-адмирала Лаусона. Дебют партии, казалось, был разыгран блестяще, когда выявилось слишком плохое качество и слабость наспех оборудованных голландских кораблей. Несмотря на все умение и отвагу команд, они не выдерживали единоборства с куда более сильными и крепкими английскими парусниками, неся неоправданно огромные потери. Вскоре положение Рюйтера стало явно опасным, и Тромп поспешил на помощь своему младшему флагману. Стихший ветер вскоре сильно перемешал образованные было в начале сражения кильватерные колонны, и бой продолжился уже по старинке, в привычной всем куче-мале. Вот скупые строки голландского историка: «Битва была ужасная. Рюйтер напал на эскадру контр-адмирала Лаусона, выиграл у него ветер, разбил часть его эскадры. Оба флота покрылись столь густым дымом, что не распознавали друг друга, и когда дым рассеялся, то битва началась с прежним ожесточением и не прежде девяти часов вечера прекратилась...»

Из хроники войны: «Получив известие о появлении Тромпа у Дувра, он быстро вернулся, чтобы принять участие в предстоящем сражении, которое должно было стать решающим. В первый раз за эту войну встретились неприятельские флоты в своем полном составе. Английский флот, который был встречен Тромпом 13 июня к НО от устья Темзы у мели Оутер Габбард, состоял, по английским данным, из 115 судов (из них 5 брандеров и 30 вооруженных коммерческих судов) с 3840 орудиями и 16 300 команды. Под начальством Монка и Дина, находившихся вместе на «Резолюшен», командовали флотом Пенн и Лаусон. Флот Тромпа насчитывал 104 судна (из них 6 брандеров); он был разделен на 5 эскадр, которыми, кроме самого Тромпа, командовали де Витт, Рюйтер, Эвертсон и Флорисзон. Как видно, значительное преимущество, благодаря величине и вооружению судов, было на стороне англичан. Ветер, очень слабый, перешел к НО, англичане были на ветре. Английский флот в начале сражения действовал совершенно иначе, чем раньше. Из-за слабого ветра и малой скорости англичане не ворвались в ряды противника, а оставались в строю и провели, пользуясь своим значительно более сильным вооружением, артиллерийский бой на дальней дистанции, чтобы по возможности с самого начала надломить силу противника. Несмотря на то что Тромп вначале немного спустился, англичане все-таки постепенно сближались. Лоусон первый сблизился с неприятелем и в полдень начал бой с эскадрой Рюйтера, после чего подошли Тромп и другие; около часа дня бой сделался общим. По голландским источникам, англичане шли полумесяцем; видимо, о настоящем, сомкнутом боевом строе не было и речи. Тромп вскоре заметил, что неприятель начал теснить его авангард; прекратив поэтому бой с главными силами, он пошел выручать

Рюйтера и Флорисона. Но маневр этот не удался полностью, так как ветер совсем стих. Все эскадры оказались разделенными.

В 2 часа ветер снова задул почти прямо от Ost, то есть прямо с носа. Тотчас же Тромп своим опытным глазом оценил все выгоды создающегося положения и решил его немедленно использовать; он приказал судам центра при помощи шлюпок повернуть на другой галс, чему последовал и авангард. Этим Тромп добился того, что эскадра Лоусона попала под перекрестный огонь и была отрезана от своих главных сил. Эскадры Монка и Пенна попробовали помочь беде, повернув немедленно вправо, и успели подойти вовремя, чтобы спасти Лоусона от уничтожения. Но прежде чем началась общая свалка (де Витт тоже пошел неприятелю навстречу), Лоусону очень досталось от сосредоточенных сил голландцев. Пороховой дым не давал возможности составить ясную картину сражения и всех многочисленных одиночных боев; главным силам англичан все же удалось после нескольких часов вылавивать на ветер из всеобщей сутолоки и дыма. После упорного боя между отдельными группами Тромп сам пробовал взять на бордаж флагманский корабль Монка, но голландцы в 5 часов дня должны были уступить поле сражения, преследуемые в течение нескольких часов англичанами. Вечером оба флота стали на якорь близ Дюнкерка, англичане мористее».

Ночь, как обычно, прошла в исправлении понесенных за день повреждений. Со стороны английского флота неслись радостные крики: то подошла к Монку эскадра адмирала Блэйка в восемнадцать вымпелов.

Утром следующего дня оба флота находились на расстоянии одной мили друг против друга. Ободренные полученным превосходством, англичане действовали на сей раз решительно. Вскоре корабли вновь сошлись меж собой и дрались до наступления полной темноты. Голландские капитаны прескверно маневрировали на своих избитых и ни к чему не годных кораблях, постоянно сталкиваясь между собой и мешая друг другу вести огонь. Кроме этого в самый решающий момент на голландских кораблях кончился порох, что и позволило англичанам захватить несколько из них.

В один из моментов сражения под шквал голландских ядер попал флагман Монка. Самому английскому командующему цепью книпеля сшибло плюмаж со шляпы, а стоявшего рядом с ним вице-адмирала Дэска убило наповал. Чтобы не вселять в души матросов неуверенность из-за убитого флагмана, Монк тут же снял свой плащ и прикрыл им убитого с головой. Позже в Англии много говорили, что смерть Дэска было заслуженной карой. Покойный вице-адмирал был одним из инициаторов суда и казни над королем Карлом. На этом, собственно говоря, сражение и закончилось. Тромп не стал продолжать дуэли с Монком, а, развернув свой флот, повел его к родным берегам. Дело в том, что вдалеке показались еще два десятка кораблей, ведомых оправившимся после ранения Блэйком. Сам Тромп был тяжело ранен куском щепы в лицо. Отход голландцев был не слишком успешным. Несколько кораблей при этом были захвачены и уничтожены англичанами. Голландский флот спасла лишь малая осадка кораблей и искусство его флагманов. Мастерски использовав прибрежное мелководье, Тромп и Рюйтер вытащили свой флот почти из безнадежной ситуации.

Из хроники войны: «Голландцы были повреждены несравненно более сильной английской артиллерией, боевые припасы и на этот раз стали иссякать, так что 16 июня утром военный совет решил сделать еще одно нападение и затем начать отступление в Вилингену. В то же время Блэйк более чем с дюжиной судов присоединился ночью к англичанам, так что превосходство их сил стало подавляющим; но из-за полного штиля его не удалось использовать. Все-таки 16-го состоялось несколько упорных одиночных боев; главным образом, следует отметить ожесточенный поединок между флагманскими кораблями Тромпа и Пенна. Но Тромпу пришлось в 4 часа отступить перед превосходящими силами англичан. Несколько его судов обратились в бегство, началась паника, некоторые суда столкнулись, сцепились вместе и попали потом в руки неприятеля. Англичане одержали решительную победу, а голландцы

лишь потому избегли еще больших потерь, что ушли за Фламандские отмели, куда неприятель из-за глубокой осадки не рискнул за ними последовать. Голландцы потеряли 20 судов, из них 11 были захвачены, и 1400 человек команды. Англичане понесли значительно меньшие потери, всего 120 человек убитыми и 240 ранеными, ни один корабль не был захвачен».

Мнение историка: «Превосходство английского флота было, несомненно, благодаря большей величине его судов, их более прочной постройке, сильному вооружению и более многочисленной команде. Голландские адмиралы открыто признавали, что англичане имеют 50 более сильных судов, чем их самый сильный корабль. Так как офицеры и команды обеих сторон дрались одинаково храбро, и командование было одинаково хорошо, то материальная часть оказалась решающей. Единственным тактическим приемом, то есть стремлением использовать ветер, преимущество хода, выгоду наветренного или подветренного положения, искусство маневрирования и т. п., чтобы, сосредоточив в одном месте превосходящие силы, броситься на часть противника и разбить ее, прежде чем тот со всеми прочими силами успеет прийти на помощь, – было лишь маневрирование Тромпа».

На подходе к Флессингену главнокомандующий собрал совещание флагманов и капитанов. Те съезжались хмурые и раздраженные. Съехавшись, молча расселись на стульях в каюте Тромпа. Тот был немногословен:

– Я отказываюсь отныне выводить в море флот, состоящий из наскоро переделанных торговых судов!

Вторым слово взял Рюйтер:

– Нас посылают на убой против специально выстроенных военных кораблей на купцах! Мы снабжены кое-как и имеем такие малочисленные команды, что едва можем управляться в море. Каждый раз мы идем на самоубийство и вынуждены своими жизнями расплачиваться за слабоумие их высокомоций! Я полностью поддерживаю адмирала Тромпа и готов следовать его примеру!

Тромпа с Рюйтером поддержали все остальные. Сообща было решено подписать совместное донесение штатам с изложением своих претензий и принятых решений. Вот текст этого документа:

«1. Корабли – орудия нашего флота по сравнению с неприятельскими слишком малы, и нам нужны большие суда, лучше укомплектованные людьми.

2. Необходимо иметь, по меньшей мере, по два корабля, нагруженных запасами пороха и снарядов.

3. Следует повысить жалованье команде.

4. Иметь при флоте, смотря по числу судов эскадры, несколько флейтов, нагруженных водой, пивом и провиантом».

Под составленной бумагой флагманы поставили свои подписи.

Генеральные штаты, получив столь грозное послание, наконец-то поняли, что надо срочно принимать меры по усилению собственного флота, ибо никакие, даже самые искусные адмиралы не в силах превозмочь сильнейшего противника. Глава республики Йохан де Витт был вынужден во всеуслышание заявить:

– Наши адмиралы правы. Положение нашей страны в настоящий момент таково, что она напоминает отчаянное положение осажденной крепости, непрерывно штурмуемой противником. Нам нужен новый флот, и он у нас будет!

Немедленно нашлось все: деньги и возможности, люди и материалы. Вскоре по всем портам Голландии уже вовсю кипела работа. Повсюду строили новый, на этот раз чисто военный флот. Рюйтер и другие адмиралы все время проводили на верфях, объясняя корабельным мастерам и внедряя новшества, чья необходимость была доказана кровью последних боев.

Генеральные штаты продолжили мирные переговоры, но в то же время продолжали вооружаться. По энергичным представлениям адмиралов лихорадочно шла работа по приве-

дению судов в боевое состояние; за военные успехи были установлены награды, за ранения – денежные вознаграждения.

Тем временем Блэйк, воспользовавшись своим временным господством на море, держался со своими 120 судами у берегов Голландии, чтобы прервать все сообщения голландцев, особенно стараясь препятствовать соединению вооружавшихся в разных портах голландских эскадр. Но голландцы не унывали. Они усердно готовились к новому генеральному сражению.

Глава седьмая. Северный прорыв

Пока голландские корабельные мастера строили новое и чинили старое, положение в стране резко ухудшилось. Господство на море перешло в руки англичан. Торговля оказалась временно парализованной. Как ответ на это по провинциям прокатилась волна голодных бунтов. Однако работы, несмотря на это, шли на верфях столь интенсивно, что к августу 1653 года (это спустя всего каких-то два месяца!) Голландия была уже в состоянии выслать новый, специально выстроенный для продолжения войны, флот. Кроме вошедших в него новых боевых кораблей были значительно переоборудованы и старые.

Часть сил голландцев по-прежнему оставалась на севере в Текселе под началом вице-адмирала де Витта. Основной же флот спешно довооружался в портах Зеландии под присмотром Тромпа и Рюйтера.

Англичане, прекрасно извещенные обо всех делах своих противников, неустанно крейсировали в водах Текселя, по-прежнему стремясь воспрепятствовать объединению голландских эскадр. Но потомки морских гезов были людьми не из робкого десятка! Невзирая на явно изначальное неравенство сил, Тромп все же вывел свои корабли из зеландских портов.

– Мы пробьемся на соединение с северной эскадрой де Витта, чего бы это нам ни стоило! – объявил он. – А затем сообщу вышвырнем англичан из наших вод навсегда!

– Отлично! – вторил ему Рюйтер. – Я хочу возглавить в таком случае авангард!

Мастерским маневром Тромп обманул англичан. Воспользовавшись хорошим северо-западным ветром, он вышел из Мааса и увлек за собой неприятельский флот на юго-восток, обеспечивая возможность де Витту беспрепятственно спуститься к Текселю. Когда же по времени стало ясно, что Витт уже в безопасности, голландский флот развернулся и сам устремился в сторону неприятеля. Англичане не заставили себя ждать, и уже спустя несколько часов они были обнаружены.

Здесь сразу же сказалась поспешность постройки нового флота. Ряд голландских кораблей, составлявших арьергард, были слишком тяжелы на ходу, и легкие английские фрегаты, без труда окружив их, начали бой. Видя это, Тромп повернул на обратный курс. Бросать оказавшихся в беде было не в его привычке. Так началось знаменитое сражение при мысе Шевенинген.

Общая схватка началась в четыре часа пополудни. Пальба и взаимные атаки продолжались до часу за полночь. Только тогда командующие развели свои флоты в стороны. Бой не принес англичанам никакого успеха, хотя они и имели более чем значительное превосходство в силах. Голландцы дрались с большим энтузиазмом, а их флагманы явно превосходили своих британских оппонентов в искусстве управления эскадрами и в единоборстве на самых минимальных дистанциях. Рюйтер так охарактеризовал позднее свои впечатления от этого боя:

– Эта драка была такой же отчаянной, как поединок на копьях!

Для голландцев же итоги боя были весьма и весьма выгодны. Они не только уверовали в свои силы, но и обеспечили беспрепятственный выход Витта из Текселя. На другой день после сражения Витт уже привел к основному флоту свои двадцать семь кораблей и четыре брандера. Теперь уж и Тромп был не прочь проявить инициативу и напасть на англичан.

В семь часов утра 10 августа он начал сражение неподалеку от побережья Мааса. Сам Тромп вел правое крыло своего флота, Рюйтер левое, вице-адмирал Эвертсон возглавлял центр, а де Витт – арьергард. Голландцы действовали в этот раз решительно, как никогда. Они в едином порыве прорвались сквозь английский строй, поражая противника шквалом ядер, затем, поворотив на другой галс, снова пошли в атаку. Тромп, шедший по своему обычаю, впереди всех, снова дошел уже до середины вражеского флота. На несколько минут он спустился к себе в каюту, чтобы написать записки младшим адмиралам. Когда же командующий вышел на

палубу и направился к канонирам, чтобы приказать им перенести огонь по новому – открывшемуся по борту англичанину, прицельный ружейный выстрел с корабля противника поразил Тромпа в живот. Падая на палубу, он успел прошептать свои последние слова:

– Со мной уже свершилось, но вы мужайтесь!

Спустя минуту Мартин Тромп был уже мертв. Тело командующего накрыли простыней и снесли в его каюту. Капитан флагманского корабля немедленно созвал сигналом к себе на борт всех флагманов. Рюйтер прибыл первым. Войдя в каюту и увидев распростертое на полу тело своего начальника, он опустился на колени, поцеловал покойника и сказал слова, ставшие впоследствии широко известными:

– Если бы Богу было угодно, то пусть бы он призвал меня вместо него! Тромп был полезнее для республики, чем любой из нас!

– Господь сам знает, когда и кого призвать к себе! – положил ему руку на плечо прибывший Витт. – Нам лишь остается делать свое дело и ждать своего жребия!

Посоветовавшись, флагманы решили до конца сражения скрыть факт смерти своего предводителя, дабы не радовать врагов и не смущать своих. Над кораблем Тромпа остался развеваться его флаг. В командование флотом, по общему согласию, вступил самый старший по возрасту – вице-адмирал Эвертсон. После этого адмиралы разъехались по своим кораблям и сражение, несколько было поутихшее, возобновилось с новой силой.

Биограф Рюйтера пишет: «Мщение за смерть их генерала возбудило голландцев до такой степени, что они творили чудеса храбрости. Рюйтер, сидевший на «Аньи» 44-пушечном, со ста пятьюдесятью человеками экипажа, бросался в самые опаснейшие места и производил столь смертоносный огонь, что неприятели расступаясь, дали ему путь. На одного его устремляли почти весь огонь. Вскоре он лишился большей части людей. Бизань- и грот-мачты у него были сбиты и почти все снаряды расстреляны. Наконец, будучи не в состоянии больше сражаться, он отбуксировался к Маасу. Тем временем капитаны, бежавшие в прошлый раз, снова развернули форштевни своих кораблей и помчались на всех парусах домой, бросая остальных на произвол судьбы».

– Если бы этих трусов повесили в прошлый раз, то теперь бы все дрались до конца! – кричал Рюйтеру в рупор разъяренный де Витт.

Бегство капитанов обошлось голландцам недешево. Англичане немедленно усилили натиск, сумев захватить и сжечь более десятка кораблей. Самым же обидным было то, что они отбили захваченные в прошлом бою «Гарленд» и «Бонавентур».

Из хроники войны: «Тромп хотел воспользоваться отсутствием английского флота – как только оно стало ему известно – чтобы соединиться с де Виттом, стоявшим с 30 судами у Гельдера. Что-нибудь необходимо было предпринять, так как вся морская торговля Голландии сильно пострадала; постоянные нападения на побережье волновали страну, приходилось повсеместно держать в готовности войска на случай попыток высадки. 6 августа Тромп с 82 судами и 5 брандерами вышел из Шельды и направился вдоль берега к северо-западу, в Тексель. Однако же прежде, чем Тромп успел до него дойти, он 8 августа утром увидел у себя на ветре, при WNW, в 20 милях южнее Текселя, английский флот. Так как Тромп не мог с ним равняться силами, он повернул и пошел к югу, преследуемый Монком, пославшим в погоню свои быстроходные фрегаты. Им удалось в 5 часов настичь одно из наиболее тихоходных голландских судов. Чтобы спасти этот корабль, Тромп убавил паруса и построил свой флот, как 1 марта, полумесяцем, выпуклой стороной к неприятелю. С подоспевшим с 30 судами Монком, против желания Тромпа, в 7 часов вечера завязался ожесточенный бой. Попытки англичан прорваться не удалось; голландцы не потеряли ни одного корабля; флагманские корабли Рюйтера и Эвертсона оказались сильно поврежденными. Бой прекратился лишь с наступлением темноты.

Де Витт, услышавший в Текселе стрельбу, решил немедленно выйти в море. Ночь была темная, шел дождь, свежий W дул прямо на Тексель; бочки, обозначающие фарватер, были из-за близости неприятеля сняты. Несмотря на отказ лоцманов, де Витт настоял на выходе в море. Суда спешно готовились к съемке с якоря, фарватер обозначили шлюпками с факелами; ночью де Витт с 24 кораблями начал вылавировывать в море. Тем временем ветер WNW усилился, погода была так туманна и дождлива, что не было опасности быть замеченным. Витт взял курс по предполагаемому направлению Тромпа, и ему удалось 9 августа, в 5 часов, в виду английского флота с ним соединиться. В этот день дело не дошло до боя, сильный NW был обоим флотам, ввиду близости подветренного берега, слишком опасен. Ночью погода исправилась, и 10 августа рано утром при слабом SW оба флота сблизилась. Бой начался в 6:30 утра у голландского берега перед Тер-Гейденом, между устьем реки Маас и Гаагой.

Оба флота шли, по-видимому, в кильватерных колоннах. Сведения об этом интересном, проведенном в сравнительно боевом порядке сражении также недостаточны и часто противоречивы. Однако вскоре, по крайней мере, частично, строй нарушился, и началась всеобщая свалка. Как и прежде, нападение велось, главным образом, на флагманские корабли. Один английский корабль в самом начале боя сцепился на abordаж с шедшим головным флагманским кораблем Тромпа; адмирал, руководивший с полукота сражением и успевший выиграть наветренное положение, был смертельно ранен мушкетной пулей с неприятельского марса; он пал, как Нельсон, – но не победителем. Флаг-капитан не спустил флага Тромпа, чтобы скрыть от флота смерть вождя.

По голландским данным, флоты трижды проходили контр-галсами; по многим другим источникам, суда несколько раз прорывали неприятельский строй, как во времена гребного флота. До часу дня бой велся с величайшим ожесточением; голландские брандеры, пользуясь своим наветренным положением, имели неоднократно случай действовать успешно; два английских адмирала погибли на своих судах, охваченных пожаром. Оба противника терпели значительный урон; три английских корабля, столкнувшихся вместе, были уничтожены одним брандером, другие потоплены артиллерийским огнем, один фрегат взорвался, многие корабли получили значительные повреждения. Но все-таки большие потери оказались на стороне голландцев: несколько кораблей были потоплены, другие сожжены, корабли Рюйтера и Эвертсона выведены из строя – их пришлось буксировать в Гере, к устьям реки Маас. Вдруг, в самый жаркий момент боя 24 голландских корабля оставили поле сражения и под всеми парусами, обстреливаемые огнем своих же судов, ушли восвояси. Это привело голландцев в замешательство и окончательно лишило их бодрости. После того, как англичане завладели наветренным положением, де Витту около 8 часов вечера пришлось начать отступление к удаленному на 65 миль Текселю, так как путь на Гере и Маас уже был отрезан. Он сам и Флорисзон, единственные оставшиеся адмиралы, пошли с дюжиной годных к бою судов в арьергарде и успешно отражали дальнейшие нападения неприятеля. Преследование, при ярком лунном свете, велось недолго, всего до полуночи – англичане тоже сильно пострадали. Де Витт с остатками флота через 24 часа добрался до Текселя, преследуемый по пятам лишь единичными английскими разведчиками. Монк вернулся в Ярмут».

В четыре часа после полудня оба флота, утомленные и разбитые, разошлись. Голландцы вошли в Тексель. Англичане в этом сражении лишились восьми кораблей, из которых два были потоплены, один взорван, а пять сожжены. Число умерших составляло четыреста человек, между которыми было восемь капитанов, раненых считалось за семь сотен, и почти все корабли не в состоянии были служить. Голландцы потеряли около десяти кораблей, тысяча двести человек убитых и раненых и семьсот человек пленными. Итоги Тексельского (или Шевенинггенского) боя англичане до сегодняшнего дня считают своей несомненной победой, голландцы, в свою очередь, своего поражения не признали. Думается, истина кроется где-то посередине.

Самой большой утратой для голландцев стала, конечно же, гибель их многоопытного командующего.

Смерть лейтенант-адмирала Тромпа произвела уныние во всей Голландии. Тело его привезено в Дельфт, где Генеральные штаты приказали воздвигнуть ему памятник.

Рюйтер тем временем кое-как отбуксировал свою вконец избитую «Анью» к Маасу. Едва же он съехал на берег, чтобы дать распоряжения относительно починки корабля, как немедленно был разыскан посланцами Эвертца.

– Их высокочестие вице-адмирал предлагает вам, не теряя времени, отправиться к флоту и идти с ним к берегам Норвегии, где скопилось большое количество купеческих судов, которые надо срочно отконвоировать домой! – объявили ему приказ нового командующего.

– Надо – значит надо! – вздохнул Рюйтер. – Я выхожу в море немедленно, вот только напишу письмо домашним, что жив и здоров!

Вечером того же дня Рюйтер на яхте уже вовсю спешил к державшемуся в море флоту, чтобы вступить в его команду. Едва же он прибыл к флоту, как его ждало новое неожиданное известие. Генеральные штаты, признавая заслуги Рюйтера, пожаловали его вице-адмиралом Голландии, назначив при этом состоять под самой могущественной Амстердамской коллегией, подчеркивая тем самым приоритет Рюйтера перед всеми прочими вице-адмиралами. Однако Рюйтера, к всеобщему удивлению, эта новость никак не обрадовала. Скорее наоборот, Рюйтер был раздосадован ею до такой степени, что во всеуслышание заявил, что не желает принимать на себя это высокое звание:

– Я уже и так достиг гораздо большего, о чем может мечтать такой простолюдин, как я, и меня мое положение более чем устраивает. К чему плодить новых завистников, когда у меня и так полным-полно старых! Я неплохо вожу корабли и прилично воюю, я люблю свою Родину и свой дом, неужели все это нуждается в каких-то особых наградах? Мне всегда было проще общаться с матросами, чем с дворянами, а потому новое звание мне счастья и радости не прибавит, и я от него отказываюсь! К тому же я опять хочу оставить морскую службу и заняться домашними делами.

Такой демарш вызвал удивление у всех знавших Рюйтера.

– Наш Михаил не боится штормового океана, но опасается скользких паркетов, он не боится ядра, летящего в грудь, но опасается сплетни в спину! – говорили друзья.

– Рюйтер сам наконец-то понял, что наступил предел его возможностям! – злословили недруги.

Но надо было вновь идти в море, и Рюйтер пошел. Этот его поход был на редкость удачным и бескровным. Не встретив в море англичан, он успешно привел конвой из Северного моря. По приходе в Голландию Рюйтер опять поднял вопрос об уходе со службы. Снова поднялся шум, гам, понаехали столичные чиновники и все скопом уговорили его не только остаться на службе, но и принять присвоенное ему звание. Кроме этого штаты предоставили новому вице-адмиралу дом в Амстердаме, куда он вскорости и переехал со всем своим семейством. Пока Рюйтер отсутствовал, состоялся суд над бежавшими с поля боя капитанами. На этот раз правда была уже на стороне яростно обличавшего трусов де Витта. Все бежавшие были сняты с должностей и сурово наказаны килеванием с петлей на шее.

Мнения историков этого сражения были таковы: «Обоюдные потери не могут быть точно установлены. Голландцы считают, что они потеряли 12–13 судов, англичане называют число вдвое большее; потери в людях были очень значительны, так как Монк приказал не давать пощады. Например, на кораблях Рюйтера из 150 человек команды было 43 убитых и 53 раненых. Всего у голландцев было около 5000 убитых, 700 раненых и 700 пленных; английские источники дают цифры вдвое большие. Ни одно из голландских судов не было захвачено. Английские потери оказались вдвое меньше голландских. Монк запретил брать призы, чтобы не отвлекать во время боя свои силы для их защиты. Главное же – голландский флот был разбит

полностью, разделен, деморализован, при том, что и английский флот понес такие потери, что не мог возобновить блокады голландского побережья. Над бежавшими командирами немедленно был учинен суд, но никого из них не приговорили к смерти, нескольких разжаловали, большинство оправдали. Смерть Тромпа была, несомненно, самой тяжелой потерей для родины. Он был героем войны, которому, однако же, его военные способности не всегда могли доставить победу, так как никуда не годное управление флотом не обеспечивало необходимого личного состава и снабжения; к тому же политические обстоятельства заставляли подчиненных нередко покидать его в нужную минуту. Если бы Тромпу дали большие военные и политические полномочия, результаты войны, вероятно, были бы несравненно лучше для Нидерландов. Бой у Шевингена (Тер-Гейден) 10 августа был последним сражением этой войны (следовательно, произошли 7 сражений в 12 месяцев). Начались мирные переговоры. Голландия почти утратила свою морскую торговлю, была так разорена, что не могла продолжать войну. Англичане, по их сведениям, взяли у голландцев 1700 судов (по голландским сведениям – более 1100 судов). Торговля замерла, рыбный промысел пришел в упадок, города опустели, в Амстердаме 3000 домов стояли пустыми. Англия потеряла вчетверо меньше торговых судов, отчасти из-за менее развитого судоходства, отчасти же из-за своего выгодного географического положения. Англия, однако же, не могла стратегически использовать свою тактическую победу и не могла продолжать блокаду».

Тем временем войной утомились уже в равной степени как Англия, так и Голландия. Ранней весной де Витт успешно отконвоировал несколько раз коммерческие флоты в Балтийское море и из Атлантического океана. Против его 70 судов Англия не могла выставить даже 50 готовых к бою кораблей. Впрочем, жестокий шторм, длившийся трое суток, вскоре сделал небоеспособными половину голландского флота. Так как и английский флот очень пострадал из-за этого шторма, англичане стали сговорчивее, и переговоры продолжались. Закончились они лишь в 1654 году в Лондоне. О новом объединенном государстве (на чем первоначально настаивал Кромвель) или даже тесном союзе двух держав не было и речи. Условия мира были сравнительно легки, так как Кромвелю было очень важно провести удаление молодого принца Оранского от штатгальтерства. Это требование, касающееся только внутренней политики, встретило у сильной оранской партии решительное сопротивление. Однако же вождю оппозиционной партии, знаменитому Иоганну де Витту, который благодаря своему выдающемуся уму почти беспредельно господствовал в Генеральных штатах, это удалось, хотя и окольными путями.

Итак, в мае 1654 года, к обоюдной радости, между обоими врагами был заключен Вестмирский мир. Согласно ему Голландия все же была вынуждена признать большинство параграфов Навигационного акта и уплатить англичанам приличную сумму денег. В свою очередь, те обязались не посягать на голландские колонии и традиционные рынки сбыта. Экономическая и морская мощь Голландии так и не была сломлена, наоборот – республика переживала настоящий промышленный и торговый бум. А потому Вестмирский мир так и не решил самого главного из вопросов: кому быть единоличным хозяином океана? Было абсолютно ясно, что обе стороны, переведя дух, с новыми силами примутся за его выяснение между собой.

Завершившаяся война много дала каждой из сторон. Так, в самом ее начале в столкновениях враждующих флотов отсутствовали сколько-нибудь четкие боевые порядки, а бои, начинаясь с артиллерийской перестрелки, затем неизменно сводились к общей свалке и абордажу. В последних сражениях этой войны начала оформляться уже классическая организация противоборства парусных флотов, когда враждующие стороны сражались в четко выраженных кильватерных колоннах, прекрасно управляемые, организованные и действующие по единому общему замыслу.

Часть третья. От Балтики до Африки

Глава первая. Защитник торговли

Война на какое-то время ушла в прошлое, и теперь настало время наверстывания упущенных возможностей в торговле. Голландские купцы кинулись было на полных парусах по всему миру. Но сразу же возникла большая проблема – Средиземное море. Там, как и в прежние времена, всю хозяйничали варварийские пираты-мусульмане, обкладывая данью покорных, а непокорных грабя и топя. Голландских купцов, которые пытались воспротивиться разбойникам, ждала незавидная участь. Известия о бесчинствах на торговых путях Средиземноморья вызвали законное возмущение в Амстердаме. Немедленно было решено снарядить туда экспедицию для наведения порядка. Во главе экспедиции был поставлен вице-адмирал Рюйтер. В подчинение ему дали небольшую эскадру в пять вымпелов: считалось, что этого количества для устрашения пиратов вполне хватит. Перед отплытием опытный моряк задал всего лишь один вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.